

R71.264
3

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

9(47:47.9)1355

Рейнленд-Пруссия

1617

А. А. Кошовакина

Воспоминание

пофв. Восточный, 1894., январь, февраль.

ფურცლის №	1636
თარგმანის №	2088
გაბეჭდვა №	_____
წიგნების №	_____
სახეობის №	1614

229 — 722 183x45 16

საქართველოს
საბჭოთავო
საგარეო
საზღვაო
საქმეთა
მინისტროს
სამედიცინო
სამსახური

საქართველოს
საბჭოთავო
საგარეო
საზღვაო
საქმეთა
მინისტროს
სამედიცინო
სამსახური

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ КОЛЮБАКИНЪ.

საქართველოს
საბჭოთავო
საგარეო
საზღვაო
საქმეთა
მინისტროს
სამედიცინო
სამსახური

826 / B

71.264

309W

ВЪСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ.

КАВКАЗСКІЯ воспоминанія В. А. Полторацкаго, напечатанныя въ прошломъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», заинтересовали многихъ читателей этого журнала. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отразились тѣ особенныя черты характеровъ главнѣйшихъ дѣятелей Кавказа, которыя могли выработаться только подъ вліяніемъ шестидесятилѣтней, непрестанной борьбы съ горцами.

Это былъ отдѣльный міръ, для всѣхъ крайне интересный, а для насъ, военныхъ, дорогой. Разказы о герояхъ Кавказа, отъ генерала до простаго солдата, заставляютъ надѣяться, что и въ будущемъ, въ минуту роковой борьбы, эти герои воскреснутъ въ ихъ потомкахъ. Но въ большой войнѣ, которая рано или поздно предстоить Россіи, отдѣльные подвиги не только малыхъ чиновъ, но и генераловъ, потонутъ въ общемъ морѣ крови. На Кавказѣ, при дѣйствіи сравнительно мелкихъ отрядовъ, это было иначе: каждый поручикъ былъ на виду, а полковникъ представлялъ изъ себя персону. Этотъ, если можно такъ выразиться, семейный характеръ войны заставляетъ насъ слѣдить съ любовью за каждой отдѣльной личностью и интересоваться ею, какъ челоуѣкомъ роднымъ.

Вотъ почему я полагаю небезынтересными для читателей записки А. А. Колюбакиной, находящіяся въ моихъ рукахъ. Кто не зналъ на Кавказѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ немирнаго Колюбакина? О немъ упоминаетъ и Полторацкій, но вскользь. Ему, повидимому, пришлось промести службу на другомъ краю Кавказа и сталкиваться съ Николаемъ Петровичемъ только какъ съ собесѣдникомъ, а не какъ съ дѣятелемъ.

Высокаго роста, съ широкими плечами, съ головою, гордо откинутой назадъ, Колюбакинъ олицетворялъ своей фигурой силу и могущество. Его маленькіе, живые глаза были полны ума. Превосходно образованный, начитанный, хорошо знавшій иностранные языки, особенно французскій, онъ съ живымъ любопытствомъ слѣдилъ за европейской литературой, и шкафы его были всегда полны книгъ, только что вышедшихъ изъ типографій Парижа и Берлина.

Не удивительно, что при такихъ вкусахъ Колюбакинъ, по назначеніи сенаторомъ въ Москву, не замедлилъ сойтись съ лучшими людьми того времени. Сколько мнѣ извѣстно, Аксаковъ, Самаринъ, князь Черкасскій, были его постоянными собесѣдниками, а Погодина и графа Сологуба, втеченіе моего двухдневнаго пребыванія въ Москвѣ, я встрѣтилъ въ его домѣ.

Но этотъ блестящій, высоко даровитый и безусловно честный человѣкъ обладалъ недостаткомъ, дѣлавшимъ его иногда нестерпимымъ для общества и весьма тяжелымъ для близкихъ: необузданная, ничѣмъ неукротимая вспыльчивость его переходила всякіе предѣлы. Въ такія минуты онъ становился опасенъ и могъ совершить преступленіе. Много терпѣлъ онъ отъ этого самъ, но много терпѣли и другіе, и надо еще удивляться, что онъ окончилъ жизнь въ почетномъ званіи сенатора, а не въ сѣрѣ солдатской шинели.

Про его продѣлки, заслужившія ему названіе немирнаго, говорилъ весь Кавказъ, и Полторацкій въ своихъ запискахъ приводитъ одинъ такой примѣръ. Расскажу другой.

У Колюбакина, когда онъ губернаторствовалъ въ Кутансѣ, былъ одинъ чиновникъ, плѣшивенькій, маленькій старичекъ, плохо владѣвшій русской грамотой. Приноситъ онъ Николаю Петровичу какую-то бумагу, въ которой слово «лѣсъ» написано черезъ е. Николай Петровичъ обращалъ на это вниманіе и просилъ такой вопіющей ошибки не повторять; но на слѣдующій день злополучный «лесъ» является въ прежнемъ видѣ. Колюбакинъ раскричался; но когда то же самое повторилось и въ третій разъ, то онъ вскочилъ со стула и зарычалъ: «садитесь и читайте». Бѣдный чиновникъ сѣлъ и наклонилъ голову надъ бумагой, а грозный начальникъ, не помня себя, выворотилъ ему на лысину всю чернильницу, а потомъ и песочницу. Излишне говорить, что Колюбакинъ потомъ искренно извинялся передъ оскорбленнымъ подчиненнымъ; но каково же было переносить такія выходки людямъ, имѣвшимъ съ нимъ ежедневныя сношенія.

Въ заключеніе скажу, что жена Колюбакина, Александра Андреевна, была знакома многимъ старымъ кавказцамъ. Имя ея было окружено общимъ уваженіемъ, а правдивость вошла въ пословицу.

- I.

Родители Н. П. Колюбакина. — Воспитаніе въ домѣ отца. — Поступленіе въ Гродненскій гусарскій полкъ. — Разжалованіе въ солдаты и переводъ на Кавказъ. — Производство въ офицеры. — Командировка для переговоровъ съ княземъ Мержани. — Характеръ Колюбакина. — Участіе въ Даргинской экспедиціи. — Его подвигъ и производство въ майоры. — Назначеніе начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа. — Нападеніе разбойника. — Оригинальное вѣнчаніе Колюбакина. — Мгновенное излѣченіе лихорадки. — Образъ жизни въ Закаталахъ. — Покушеніе на убійство Колюбакина. — Даниэль-Бекъ. — Критическое положеніе.

Главная цѣль моихъ воспоминаній заключается въ желаніи напомнить о человѣкѣ, котораго зналъ весь Кавказъ, и добрая память о которомъ сохраняется и понынѣ во многихъ мѣстахъ здѣшняго края. Да, можетъ быть, нѣкоторымъ — не смѣю думать многимъ — будетъ интересно прочитатъ нѣсколько страницъ изъ жизни кавказца сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Я хочу говорить о Николаѣ Петровичѣ Колюбакинѣ, и такъ какъ описаніе его характера и дѣятельности на Кавказѣ составляетъ главный предметъ моего простаго повѣствованія, то постараюсь сказать о немъ все, что знаю и помню. Прошу, однако, не думать, что я хочу написать его биографію, во-первыхъ, я, вѣроятно, не сумѣла бы сдѣлать этого, тѣмъ болѣе, что для такого труда необходимо имѣть матеріалы, а у меня ихъ нѣтъ. Самъ Колюбакинъ какъ-то мало дорожилъ своими бумагами и оставилъ ихъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Помню прекрасную записку его о возможности покорить Кавказъ мирнымъ способомъ, а именно установленіемъ съ нимъ торговли, но изъ нея, послѣ смерти его, я нашла только нѣсколько несвязныхъ отрывковъ. То же было и съ другими его рукописями, кромѣ одной, напечатанной, объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи.

Напоминая о Николаѣ Петровичѣ людямъ, знавшимъ его, я хотѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить картину прежней жизни на Кавказѣ для сравненія ея съ современной, всѣмъ болѣе знакомой; поэтому въ разсказѣ моемъ не слѣдуетъ искать опредѣленной рамки.

Полагая, что характеръ каждаго человѣка образуется съ дѣтства, подъ вліяніемъ людей, окружающихъ его, и болѣе всего родителей, — не лишнимъ считаю сказать, кто были отецъ и мать Колюбакина.

Николай Петровичъ родился въ 1812 году. Отецъ его, генераль-лейтенантъ Петръ Ивановичъ Колюбакинъ, уроженецъ Новгородской губерніи, былъ однимъ изъ дѣятелей отечественной войны. Весь израненный, онъ прожилъ послѣ двѣнадцатаго года не болѣе пятнадцати лѣтъ, почти не вставая съ кресель. Женатъ онъ былъ по любви на полькѣ, красавицѣ, графинѣ Пулавской, но счастливъ

не былъ; онъ страдалъ душевно, видя, что жена не только не раздѣляла съ нимъ горячей любви его къ отечеству и преданности престолу, но, напротивъ, принадлежала всѣмъ сердцемъ только соотечественникамъ своимъ, которымъ мало-по-малу передала все состояніе мужа. Дѣтей у нихъ было пятеро: двѣ дочери и три сына, изъ которыхъ Николай былъ старшій, Михайлъ второй, а Александръ младшій. При жизни отца они содержались въ роскоши, ходили въ бархатъ и при нихъ постоянно находились, по требованію отца, три гувернера, для изученія иностранныхъ языковъ. Казалось бы, что при такой обстановкѣ дѣти должны были наслаждаться жизнью, но не тутъ-то было: жестокая и необузданно вспыльчивая мать строго наказывала ихъ за малѣйшую невинную шалость, даже за каждое пятнышко на платьяхъ и требовала отъ гувернеровъ такого же безжалостнаго обращенія съ дѣтьми, что, весьма понятно, не могло благотворно подѣйствовать на ихъ характеры. Отталкивая ихъ въ припадкахъ гнѣва и не говоря съ ними по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ, мать не только навсегда ожесточила ихъ противъ себя, но пріучила не то что злопамятствовать, а долго дуться послѣ всякой ссоры. Привычка эта въ особенности привилась къ Николаю Петровичу. Михайлъ Петровичъ, менѣе вспыльчивый, умѣлъ сдерживаться и при неприємностяхъ былъ скрытенъ и молчаливъ.

Двухъ старшихъ сыновей отецъ отдалъ въ царскосельскій лицей, бывшій въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; третій сынъ воспитывался въ другомъ учебномъ заведеніи и вышелъ въ гусары; но надо полагать, что печально проведенное дѣтство и недостатокъ материнской любви иначе повліяли на его болѣе мягкій и кроткій нравъ, ибо на 19-омъ году жизни онъ удалился въ монастырь, гдѣ вскорѣ постригся. Старшіе братья его, весьма способные мальчишки, учились прекрасно и тоже вышли въ военную службу.

Поступивъ въ 1830 году въ Гродненскій гусарскій полкъ, Николай Петровичъ былъ въ Варшавѣ во время польскаго мятежа; сдѣлалъ кампанію 1831 года, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, находился въ битвѣ подъ Остроленкою и при штурмѣ Варшавы и тутъ былъ раненъ саблей въ ногу. Начавъ такъ счастливо службу, онъ былъ разжалованъ въ солдаты, два года спустя, за оскорбленіе начальника своего и сосланъ на Кавказъ, гдѣ поступилъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, считавшійся какъ тогда, такъ и теперь, молодецкимъ по храбрости офицеровъ и солдатъ и образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Умный, прекрасно образованный и въ высшей степени благородный человѣкъ, Николай Петровичъ ни передъ кѣмъ не гнулъся; солдатская шинель нисколько не стѣсняла его; онъ попрежнему держалъ голову высоко и всѣмъ смотрѣлъ прямо глаза. По прибытіи

въ полкъ, онъ очень скоро приобрѣлъ расположеніе и уваженіе командира своего, полковника Безобразова, такого же пылкаго, какъ и самъ онъ былъ самъ, и дружбу всѣхъ своихъ сослуживцевъ, что не помѣшало ему, однако, имѣть съ ними нѣсколько дузей. Не смотря на это, отношенія съ товарищами были самыя дружескія, и мѣсяцы боевой жизни пролетали, какъ дни. Не стану упоминать здѣсь, въ какихъ именно экспедиціяхъ, бояхъ и перестрѣлкахъ онъ участвовалъ,—скажу только, что ихъ было очень много, и что черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, послѣ чего, подъ начальствомъ генерала Малиновскаго, а потомъ генерала Вельяминова, находился на Кубани въ непрерывныхъ военныхъ дѣлахъ. Въ маѣ 1837 года его произвели за храбрость въ прапорщики, и онъ снова началъ карьеру свою, не пользуясь втеченіе всей жизни ничьей протекціей.

Въ концѣ 1840 года его перевели на восточный берегъ Чернаго моря, для участія въ экспедиціяхъ противъ разныхъ непокорныхъ племенъ Кавказа; тутъ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ адъютантомъ сначала при генералѣ Анрепѣ, начальникѣ черноморской береговой линіи, а затѣмъ при замѣстившемъ его генералъ-адъютантѣ Будбергѣ.

Когда Колюбакинъ находился при генералѣ Анрепѣ, ему было поручено съѣздить въ Далъ, гористую, высоко лежащую надъ уровнемъ моря и чрезвычайно живописную часть Абхазіи для переговоровъ съ княземъ Баталбеемъ Маршани, родственникомъ владѣтеля, поселившимся тамъ съ 500-ми дѣлами абхазцевъ. Предводительствуя враждебною намъ партіею, Баталбей нападалъ на подвластную Россіи, сосѣднюю съ нимъ, Цебельду, тоже страну гористую, и не разъ вступалъ въ отважныя схватки съ нашими войсками.

Прибывъ въ Далъ, Николай Петровичъ остановился у подошвы той горы, на которой находился домъ Баталбея, и послалъ изъ команды своей одного абхазца сказать ему, что онъ присланъ генераломъ Анрепомъ для переговоровъ съ нимъ. Князь Маршани отвѣтилъ, что онъ готовъ выслушать его, только съ уговоромъ, что онъ придетъ къ нему одинъ. Колюбакинъ согласился, полагая, что и его найдетъ одного; но каково было его удивленіе, когда, поднявшись на гору, онъ увидалъ князя Баталбея, окруженнаго 400-ми вооруженныхъ абхазцевъ.

— Зачѣмъ люди эти здѣсь?—спросилъ Колюбакинъ, обращаясь къ князю Маршани:—ты пожелалъ видѣть меня одного, я согласился и не обманулъ тебя; я пришелъ съ однимъ переводчикомъ, потому что вѣрилъ въ твою честь.

— Благодарю,—отвѣчалъ Баталбей:—и прощу тебя, не бойся.

— Не говори со мною такъ!—вскричалъ Колюбакинъ:—ты можешь убить меня, но не забывай, что я русскій офицеръ и ничего

не боюсь. Прикажи же людямъ своимъ стрѣлять!—прибавилъ Николай Петровичъ, обнажая грудь.

Баталбей, какъ всѣ горцы вообще, высоко цѣнили храбрость и тотчасъ протянулъ Колюбакину руку. Затѣмъ послѣдовали переговоры, послѣ которыхъ князь Маршани совершенно измѣнилъ отношенія свои къ русскимъ и сдѣлался ихъ другомъ. Даже умирая, много лѣтъ спустя, онъ завѣщалъ сыновьямъ вѣрно служить Россіи.

По прибытіи въ Керчь, мѣстопробываніе начальника береговой линіи, Николай Петровичъ тотчасъ же познакомился съ своими родителями и, по прошествіи мѣсяца, былъ уже въ домѣ нашемъ, какъ свой; онъ посѣщалъ насъ не только ежедневно, но по три и по четыре раза въ день, побуждаемый къ этому единственно своею бурною и подвижною натурою и страстью къ разсужденіямъ и спорамъ о всѣхъ интересныхъ для него предметахъ. Самъ Колюбкинъ говорилъ не только умно, но краснорѣчиво, и такъ какъ по образованію онъ былъ человѣкомъ свѣтскимъ и чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ, то, не смотря на пріобрѣтенныя имъ въ полку слишкомъ отважныя драгунскія манеры и на невыносимость противорѣчій, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко вспышки, доходившія до ссоръ,—всѣ приглашали его къ себѣ и принимали съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ особенности благоволили и были снисходительны къ нему дамы; но когда ему дѣлали или, лучше сказать, осмѣливались дѣлать замѣчанія за какую нибудь неловкость или рѣзкость къ обращеніи, онъ отвѣчалъ: «Prenez moi tel, que je suis¹⁾. Я солдатъ и другимъ быть не хочу». Или же, взявъ фуражку, уходилъ, не простившись, и уходилъ надолго. Но надо сказать, что подобныя непріятныя столкновенія мучили его такъ сильно, что по прошествіи нѣкотораго времени онъ самъ искалъ случая помириться. Слѣдуетъ прибавить еще къ этому, что вспыльчивость его, происходившая частью отъ органическаго порока сердца, искупалась весьма немалыми достоинствами, и поэтому друзья его и знакомые извиняли ему такіе поступки, которые другому не прошли бы даромъ.

Продолжая боевую жизнь свою на черноморской береговой линіи, Колюбакинъ получилъ двѣ раны въ одномъ упорнѣйшемъ трехдневномъ бою, при взятіи многочисленныхъ заваловъ: одну рану въ бедро, очень опасную, а другую—въ правую руку на вылетъ.

Въ 1845 году, послѣ дуэли съ В. за то, что послѣдній помѣшалъ ему посадить дамъ въ карету, онъ былъ переведенъ въ Тифлисъ для участія въ готовящейся тогда большой экспедиціи противъ Шамиля, извѣстной въ военныхъ лѣтописяхъ подъ наименованіемъ «Даргинской» и совершившейся подъ начальствомъ всѣми уважаемаго намѣстника, князя Михаила Семеновича Воронцова.

¹⁾ Берите меня такимъ, каковъ я есть.

Николай Петровичъ, командовавшій въ этой экспедиціи 3-й стрѣлковой ротой Куринскаго полка, получилъ однажды приказаніе сбить горцевъ съ позиціи, занимаемой ими на возвышенности. Приближаясь къ неприятелю, солдаты наши замѣтили, что сорокъ или болѣе мулъ, распростертыя на землѣ, молились передъ сраженіемъ, громко взывая къ Аллаху. Рота остановилась предъ атакой.

— Ваше благородіе, нельзя теперь нападать на нихъ, грѣшно: видите, они молятся, — сказали солдаты.

Колюбакину нельзя было терять времени, слѣдовало тотчасъ же атаковать.

— Да что у нихъ за богъ! — вскричалъ онъ: — развѣ нашъ не лучше?

— Гораздо лучше, ваше благородіе! — воскликнули куринцы и въ ту же минуту бросились въ атаку съ громкимъ «ура»...

Черезъ нѣсколько времени неприятель былъ сбитъ, и позиція взята. Тотчасъ послѣ этого Колюбакинъ напомнилъ солдатамъ примѣръ набожности мусульманъ; сцена измѣнилась, солдаты, снявъ шапки, перекрестились, а затѣмъ, вырвавъ яму и опуская въ землю своего убитаго фельдфебеля, прогѣли заукойную молитву.

Въ эту кампанію Николай Петровичъ былъ раненъ пулею въ грудь и произведенъ въ маіоры.

По окончаніи экспедиціи онъ получилъ мѣсто окружнаго начальника въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ и въ первый же мѣсяцъ пребыванія своего въ крѣпости Закаталахъ, въ развѣздѣ по округу для поимки разбойника, встрѣтившись съ нимъ неожиданно въ домѣ покорнаго намъ лезгина, обѣщавшаго выдать злодѣя, чуть не поплатился жизнью. По обыкновенію своему онъ совершалъ поѣздки по округу въ сопровожденіи не казаковъ, а мирныхъ лезгинъ, и безъ всякаго оружія, хотя ему было извѣстно, что каждый разъ по дорогамъ его ожидали засады; но онъ дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, во-первыхъ, потому, что всегда надѣялся, что ничего не случится, что все пройдетъ благополучно, а, во-вторыхъ, чтобы выказать лезгинамъ наибольшее довѣріе къ ихъ вѣрности и честности и тѣмъ привязать ихъ къ себѣ, въ чемъ совершенно успѣлъ. На этотъ разъ, однако, онъ чуть не погибъ. Увидѣвъ передъ собою начальника округа, разбойникъ, не долго думая, занесъ шашку надъ его головой, но Колюбакинъ успѣлъ отклонить голову на столько, что шашка упала ему на плечо и, разрубивъ эполетъ и платье, сдѣлала легкій прорѣзъ на тѣлѣ. Не смѣя стрѣлять, изъ боязни обнаружить присутствіе свое въ домѣ, разбойникъ хотѣлъ вторично ударить начальника по головѣ, но Николай Петровичъ предупредилъ ударъ, схвативъ шашку голой рукой за лезвее, при чемъ, понятно, ранилъ себя: большой палецъ былъ почти отрѣзанъ, а на указательномъ была глубокая рана. Въ этотъ моментъ за дверью послышались шаги, и вошелъ хозяинъ дома, а испуганный

зловѣй успѣлъ скрыться, выскочивъ въ окно. Обязавъ руку платкомъ съ помощью хозяина, Колюбакинъ отправился назадъ и къ утру вернулся домой, потерявъ много крови.

Нужно сказать, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Колюбакина изъ Керчи въ Тифлисъ онъ былъ уже моимъ женихомъ, но не могъ жениться до полученія мѣста съ порядочнымъ жалованьемъ, такъ какъ ни у него, ни у меня не было никакихъ денежныхъ средствъ. Въ то самое время, когда Колюбакину приходилось оставить Керчь, одинъ изъ братьевъ моей матери, проживавшій тогда въ Тифлисъ, просилъ доставить къ нему двухъ маленькихъ дѣтей его, оставленныхъ имъ въ нашемъ домѣ на цѣлый годъ, при проѣздѣ его черезъ Керчь, и порученныхъ моему надзору.

Исполнить желаніе дяди было тогда нелегко, такъ какъ сообщеніе съ Тифлисомъ представляло различныя затрудненія, и охотниковъ ѣздить туда находилось немного. Поэтому для рѣшенія вопроса, съ кѣмъ бы изъ насъ отправить къ нему его дѣвочекъ, собрали семейный совѣтъ, и всѣ нашли, что лучше всего послать ихъ со мною съ тѣмъ, чтобы я осталась въ домѣ дяди до совершенія моего брака.

Николай Петровичъ направилъ путь свой изъ Крыма въ Тифлисъ чрезъ Ростовъ и Кавказскій переваль, а я моремъ на Потю, на военномъ пароходѣ, — частныхъ тогда не было еще.

Николая Петровича я застала еще въ Тифлисъ; но мы недолго пробыли вмѣстѣ: онъ отправился въ экспедицію, а я съ дядей на воды въ Пятигорскъ и затѣмъ въ Кисловодскъ. Тамъ провела все лѣто княгиня Воронцова, и такъ какъ къ ней по три раза въ недѣлю присылались курьеры отъ князя, то мы чрезъ нихъ получали письма и знали всѣ подробности о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстія съ театра войны ожидались нами со страхомъ и трепетомъ, потому что экспедиція предсказывалась опасная и трудная. И не ошибочно — печальное предсказаніе сбылось: много послѣ этой несчастной экспедиціи осталось вдовъ и сиротъ, и немало мужей, сыновей и братьевъ вернулись въ семейства свои израненные и изувѣченные.

Спустя два или три мѣсяца по окончаніи Даргинской экспедиціи, Колюбакинъ былъ назначенъ начальникомъ Джаро-Вѣлоканскаго округа. Отправляясь туда, онъ обѣщалъ пріѣхать въ Тифлисъ для совершенія нашего брака; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: свадьбѣ нашей суждено было состояться только въ іюнѣ и, такъ сказать, на большой дорогѣ. Колюбакинъ не могъ отлучиться изъ округа болѣе, какъ на сутки, и потому просилъ меня выѣхать къ нему навстрѣчу въ мѣстечко «Царскіе Колодцы», штабъ-квартиру какой-то дивизіи.

Конечно, я согласилась на это, хотя только что начала попра-

вляться отъ горячки, перешедшей въ лихорадку, и вотъ въ назначенный день я отправилась изъ Тифлиса въ сопровожденіи моей горничной и лакея Матвѣя.

Дядя былъ въ то время въ Петербургѣ. Дорогой со мной сдѣлался пароксизмъ лихорадки; будучи не въ состояніи выдержать тряски тарантаса, я просила остановиться и, забравшись въ чейто виноградникъ, безъ позволенія хозяина его, ибо никто не приходилъ туда, пролежала тамъ часа три на разостланномъ коврѣ. Поэтому я прибыла очень поздно въ назначенное мѣсто и провела скверную ночь.

Николай Петровичъ, съ своей стороны, выѣхалъ изъ Закаталь съ рукою на перевязи и въ 8 часовъ утра былъ въ «Царскихъ Колодцахъ». Тутъ, встрѣтивъ на улицѣ одного знакомаго своего полковника Н — ва съ незнакомымъ ему поручикомъ княземъ Кр — нымъ, онъ просилъ перваго быть свидѣтелемъ брака, а втораго — моимъ шаферомъ. Въ 12 часовъ дня насъ обвинчали, а черезъ часъ мы уѣхали въ Закаталы съ конвоемъ изъ 30-ти казаковъ и столькихъ же лезгинъ.

Жизнь наша въ Закаталахъ была самая безпокойная отъ частыхъ тревогъ по ночамъ, да, сверхъ того, въ первые два мѣсяца пребыванія нашего тамъ лихорадка не покидала меня, и я уже потеряла надежду на выздоровленіе, какъ вдругъ вылѣчилась отъ нея внезапно и совершенно неожиданно, безъ всякаго лѣкарства. Докторомъ моимъ явился самъ Колюбакинъ; ему приснилось однажды, что подлѣ него разбойникъ; въ одинъ моментъ онъ приподнялся и, схвативъ меня за горло, сталъ душить, полагая, вѣроятно, что держать злодѣя за руку. Кричать я не могла и разбудила его только сильнымъ толчкомъ по лбу. Испугъ быть задушенной, случившійся въ то время, когда у меня былъ жаръ, произвелъ во мнѣ такую реакцію, что съ тѣхъ поръ лихорадка совершенно прекратилась.

Главный начальникъ края жилъ въ стѣнахъ крѣпости, а мы на форштадтѣ, и домъ нашъ буквально былъ открытъ и днемъ, и ночью, для всѣхъ, кто желалъ видѣть начальника округа по дѣламъ и безъ таковыхъ. Такъ переводчикъ съ докладомъ о какомънибудь несчастномъ происшествіи врывался къ намъ ночью прямо въ спальню. Колюбакинъ въ одинъ мигъ вскакивалъ съ постели, одѣвался на ходу, садился на лошадь и летѣлъ на мѣсто катастрофы.

Всѣ лезгины, безъ исключенія, имѣли право входить къ намъ прямо безъ доклада, когда имъ было угодно, и часовымъ однажды навсегда было запрещено останавливать ихъ; поэтому ко мнѣ зачастую, въ отсутствіе мужа, являлись въ кабинетъ совершенно незнакомые мнѣ лезгины, вооруженные съ головы до ногъ: у каждаго была шашка, два пистолета — одинъ за кушакомъ за спиной, а

другой спереди, кинжалъ и ружье. Войдя въ комнату и кивнувъ мнѣ головой, не снимая папахи, лезгинъ ставилъ ружье въ уголъ комнаты, затѣмъ, осмотрѣвъ все, что находилось въ ней и на моемъ письменномъ столѣ, разглядѣвъ мою одежду и даже обувь, онъ устранился, поджавъ ноги, на тахтѣ или просто на коврѣ, и между нами начинался разговоръ знаками, съ помощью какихъ-то неопредѣленныхъ звуковъ. Когда же мой дикій гость засиживался слишкомъ долго, то, оставляя его одного, я выходила распорядиться, чтобъ ему подали плову, и замѣчательно, что никогда ни одна изъ вещей моихъ не пропадала при такихъ визитахъ. Знакомые же лезгины, кунаки (пріятели), которыхъ у насъ было множество, приходили къ намъ обѣдать и часто ночевать въ назначенной для нихъ комнатѣ — кунакской. Они чрезвычайно любили музыку и заставляли меня играть на фортепіано и пѣть. Намъ случалось принимать къ себѣ и раненыхъ, но не въ сраженіяхъ, а въ дракахъ на пирушкахъ или на свадьбахъ.

Такое обращеніе съ ними ближайшаго начальника лезгины чрезвычайно цѣнили и за то любили его и старались ограждать отъ опасностей, доказательствомъ чего послужить слѣдующій случай.

Однажды, передъ самымъ обѣдомъ, мужъ сказалъ мнѣ:

— Не испугайся, если во время обѣда что нибудь случится.

— Что такое? — спросила я.

— Можетъ быть, будутъ выстрѣлы.

— Почему ты знаешь это?

— Меня предупредили мои лезгины, что сейчасъ долженъ прійти человекъ, яко бы съ просьбой, а въ сущности, это разбойникъ, ищущій убить меня. Конечно, зная это впередъ, самъ я и переводчикъ будемъ зорко слѣдить за нимъ.

Такъ какъ это было лѣтомъ, и жара была невыносимая, то Николай Петровичъ, по обыкновенію, сѣлъ за столъ безъ сюртука, въ одной сорочкѣ, не приготовивъ, конечно, для ожидаемаго случая никакого оружія, только у переводчика былъ кинжалъ.

Когда намъ подали второе блюдо, дверь съ подъезда отворилась, въ столовую вошелъ лезгинъ и, поставивъ ружье къ двери, остановился. Колюбакинъ всталъ, подошелъ къ нему и спросилъ, что ему нужно. Тотъ началъ рассказывать какую-то исторію, сбиваясь на каждомъ словѣ; въ то же время, держа руку на пистолетѣ и вытаскивая его медленно изъ-за пояса, онъ вдругъ вырвалъ его съ намѣреніемъ выстрѣлить. Въ тотъ же моментъ Николай Петровичъ схватилъ разбойника за плечи и вышвырнулъ его чрезъ открытое окно на улицу, закричавъ стоявшимъ у крыльца тремъ часовымъ: «Ловите!.. Держите его!»... Часовые бросились за нимъ, но онъ успѣлъ скрыться.

Расскажу еще одинъ эпизодъ изъ жизни Колюбакина въ Закаталахъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ довѣрїи къ нему

управляемаго имъ народа, — довѣри, которое послужило къ спасенію намъ жизни. Эпизодъ этотъ характеризуетъ личность мужа моего вообще, а также умѣнье его управлять азіатскими народами; поэтому постараюсь изложить его какъ можно вѣрнѣе.

Въ началѣ 1847 года Николай Петровичъ получилъ отъ султана Елисуйскаго Даниэль-Бека, одного изъ славныхъ набовъ Шамиля, конфиденціальное письмо на арабскомъ языкѣ. Въ письмѣ этомъ султанъ Елисуискій, однажды уже измѣнившій Шамилю, принявъ подданство русское и прослужившій нѣсколько лѣтъ въ войскахъ нашихъ, просилъ сообщить князю Воронцову его просьбу о дозволеніи ему возвратиться въ Россію. Колюбакинъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ намѣстнику, и, по приказанію его, съ Даниэль-Бекомъ завязалась продолжительная переписка, окончившаяся увѣдомленіемъ его, что князь Воронцовъ согласился на его просьбу, что распоряженія относительно высылки къ нему на встрѣчу лошадей и экипажа сдѣланы, и что въ Закаталахъ ему будетъ приготовлена квартира въ домѣ окружнаго начальника. Мы ожидали только извѣстій отъ султана о днѣ выѣзда его изъ Елису, чтобъ отправить за нимъ экипажъ и провожатыхъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Шамиль, извѣщенный о намѣреніи Даниэль-Бека бѣжать въ Россію, захватилъ его женъ и дѣтей, и что вслѣдствіе этого султанъ отправился къ Шамилю съ повинной головой.

Вскорѣ затѣмъ въ Бѣлоканскомъ округѣ появились прокламаціи Шамиля, которыми онъ объявлялъ, что двинетъ на насъ многочисленное войско свое, подъ начальствомъ одного изъ главныхъ набовъ, и предупреждалъ, что если лезгины не примутъ его съ покорностью, то не только мужчины, но всѣ женщины и дѣти будутъ перерѣзаны. Угрозы эти были, конечно, написаны въ самомъ напыщенномъ, азіатскомъ стилѣ. Но потому ли, что лезгины не довѣряли угрозамъ Шамиля, или усматривали исполненіе ихъ въ далекомъ будущемъ, или же твердо надѣялись на силу русскаго оружія, — но у насъ все шло попрежнему, ничего особеннаго не было замѣтно, и прокламаціи были забыты.

Только однажды, поздно вечеромъ, уже за полночь, сидя въ гостиной съ однимъ знакомымъ нашимъ, конечно, военнымъ, такъ какъ въ крѣпости нельзя было встрѣтить ни одного гражданскаго чиновника, — мы заговорились о петербургскомъ обществѣ, объ удовольствіяхъ столичной жизни, однимъ словомъ, о предметахъ совершенно мирныхъ, ибо военные уже наскучили, а сплетень въ Закаталахъ не могло быть по той простой причинѣ, что сплетничать, по мнѣнію мужчинъ, — мнѣнію, смѣю думать, ошибочному, — способны однѣ женщины, а у насъ ихъ было всего четыре: супруга коменданта, ея дочь, жена баталіоннаго командира и я.

Гость нашъ, напѣвая арію изъ какой-то оперы, взялся уже

за фуражку, чтобы распротиться съ нами, какъ вдругъ отворились обѣ половинки двери, и глазамъ нашимъ представилась живая картина изъ двухъ лицъ; одно изъ нихъ былъ мужчина высокаго роста, съ правильнымъ, красивымъ, но строгимъ лицомъ и важной осанкой, въ длинной широкой одеждѣ, съ бѣлой чалмой на головѣ; другое—въ блестящемъ національномъ костюмѣ, въ полномъ вооруженіи, словно рыцарь среднихъ вѣковъ. То были лезгинскіе старшины — Шабанъ и Рамазанъ. Они остановились въ дверяхъ, какъ будто для того, чтобы дать намъ время налюбоваться ими, и дѣйствительно картина была достойна кисти хорошаго живописца. Послѣ минутнаго молчанія они объявили намъ торжественно, не спѣша, что въ Бѣлоканъ спускается по тремъ ущельямъ двадцатипяти тысячная армія Шамиля. И каково было наше удивленіе, когда мы узнали, что тотъ самый Даніэль-Бекъ, который еще такъ недавно хотѣлъ перейти на сторону русскихъ, находится теперь во главѣ наступающей арміи. Такое нашествіе врага было, однако, не шуточное, тѣмъ болѣе, что войска у насъ было очень мало, и раздроблять его на части оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Главный начальникъ края, генераль Шварцъ, находился тогда въ отсутствіи, такъ что оборона округа лежала на отвѣтственности Колюбакина. Не теряя ни минуты, тутъ же, ночью, у насъ собрался военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: комендантъ, плацъ-маіоръ, баталіонные и ротные командиры. Рѣшено было оставить въ Закаталахъ только необходимое количество солдатъ для содержанія караула въ крѣпости, а съ остальною малою частью идти въ лагерь на соединеніе съ находящимися уже тамъ частями войска.

Въ 5 часовъ утра выступилъ нашъ маленькій отрядъ, и я осталась одна. Комендантъ предложилъ мнѣ перебраться въ крѣпость; но я не согласилась. Ко мнѣ былъ прикомандированъ переводчикъ, передъ окномъ спальни поставлена пушка, и подлѣ нея часовыи съ зажженнымъ фитилемъ. Сверхъ того, чрезъ нѣсколько дней прибыли 25 вооруженныхъ тушинъ и расположились на нашемъ дворѣ въ палаткахъ. Одинъ изъ нихъ, всѣмъ въ нашемъ краѣ извѣстный Шете, съ разбойничьею физиономіею, но самаго добродушнаго нрава, въ мирное время являлся ко мнѣ ежедневно за рюмкой водки. «Ты ничего не бойся, когда я здѣсь,—говорилъ онъ мнѣ,—я отрубилъ уже четырнадцать головъ и много, много рукъ и всегда относилъ ихъ начальникамъ, чтобы они знали, какой Шете храбрый».

Первый и второй день прошли мирно; на третій я узнала, что офицеръ и переводчикъ, посланные въ Бѣлоканъ для разузнанія тайкомъ о численности непріятельской арміи и о мѣстопробываніи самого султана, были схвачены и звѣрскимъ образомъ убиты, и

что, сверхъ того, передъ окномъ того дома, въ которомъ расположился самъ Даніэль-Бекъ, былъ казень, по его приказанію, родной племянникъ его, прекрасный молодой человекъ, воспитанный въ Россіи и истинно преданный намъ. Это были первыя дошедшія до меня печальныя извѣстія. Вскорѣ начались и военныя дѣйствія, заявлявшія о себѣ пушечными выстрѣлами, слышными въ Закаталахъ.

Къ величайшему счастью нашему, непріятель не догадался сжечь моста чрезъ Алазань, чтобъ отрѣзать насъ отъ Тифлиса, что дало намъ возможность сообщить князю Воронцову о положеніи нашемъ и просить подкрѣпленія, которое было обѣщано, но пришло, однако, не скоро. Населеніе теряло уже надежду на хорошій исходъ дѣла, и вотъ однажды переводчикъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что восемьсотъ человекъ лезгинъ, съ старшинами своими, собрались подъ стѣнами крѣпости, что они толкують объ опасномъ положеніи, угрожающемъ имъ женамъ и дѣтямъ, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій малочисленнаго русскаго отряда противъ сильнаго врага, и склоняются къ мысли, что для нихъ было бы, можетъ быть, лучше, перерѣзавъ русскихъ, занять крѣпость и объявить султану о покорности своей Шамилю. Что было дѣлать? Первая мысль моя была тотчасъ же извѣститъ мужа объ этой сходкѣ, и, конечно, это было самое разумное, иначе я и не могла поступить, но я понимала, что Николай Петровичъ не могъ взять изъ-подъ носа непріятеля половину отряда, чтобы бѣжать къ намъ на помощь. Думала я, думала и наконецъ придумала послать сначала переводчика къ Шабану и къ Рамазану и попросить ихъ прійти ко мнѣ. Переводчикъ одобрилъ мое намѣреніе и побѣждалъ исполнить приказаніе.

Не болѣе, какъ черезъ полчаса, названные старшины вошли ко мнѣ съ печальными и озабоченными лицами. «Недоброе у нихъ на умѣ», подумала я и, усадивъ ихъ на диванъ, призналась имъ, что мнѣ извѣстна причина ихъ сборища около крѣпости, а также предметъ ихъ совѣщаній, и передала имъ все, что слышала отъ переводчика. Подтвердивъ мои слова, они прибавили, что не имѣютъ права жертвовать своими семействами, и припомнили прокламацію Шамиля.

— Какъ нельзя лучше понимаю трудное положеніе ваше, — отвѣчала я, — но полагая, что осторожность въ такомъ важномъ случаѣ есть главная вещь, я рѣшилась пригласить васъ къ себѣ, чтобы предложить мое мнѣніе, которое, надѣюсь, вы согласитесь выслушать.

Оба наклонили головы, приложивъ руку къ груди, и отвѣчали, что готовы исполнить мое желаніе.

Тогда я сказала имъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на поступокъ, отъ котораго должна зависѣть не только судьба, но и жизнь

ихъ и наша, я совѣтовала бы имъ переговорить сначала съ Колюбакинымъ, который, будучи почти ежедневно въ сношеніи съ тифлисскимъ начальствомъ и съ самимъ намѣстникомъ, одинъ знаетъ, на что мы можемъ надѣяться, чего должны ожидать. Потолковавъ еще минутъ десять за чашкой кофе со мной, а потомъ между собой, они объявили, что соглашаются съ моимъ мнѣніемъ и желаютъ повидаться съ начальникомъ, но должны сначала сообщить объ этомъ другимъ старшинамъ и всему обществу, чтобы получить на то и ихъ согласіе. Прощаясь, они просили позволенія взять съ собой переводчика, чтобы чрезъ него передать мнѣ ихъ общій, рѣшительный отвѣтъ.

Какъ только они вышли, я въ ту же минуту принялась писать къ мужу; и когда переводчикъ пришелъ сказать мнѣ, что всѣ единогласно пожелали посовѣтоваться съ нимъ, я заключила этими словами письмо свое и тотчасъ же отправила его къ нему съ нарочнымъ. А часа черезъ полтора получила въ отвѣтъ слѣдующую коротенькую записочку:

«Буду къ 8-ми часамъ вечера».

Отвѣтъ этотъ я немедленно отослала съ переводчикомъ къ Шабану, главному старшинѣ и наиболѣе уважаемому въ народѣ человѣку.

Въ восьмомъ часу въ залу явились, одинъ за другимъ, шестьдесятъ старшинъ, все люди болѣе или менѣе почтенные. Въ ожиданіи начальника они сидѣли спокойно, только изрѣдка перекидываясь нѣсколькими словами. Когда же къ дому подъѣхалъ Николай Петровичъ, они встали, а когда онъ вошелъ въ комнату, то, по обыкновенію всѣхъ азіатскихъ народовъ, поклонились ему почтительно, но съ достоинствомъ, а затѣмъ стали въ слѣдующемъ порядкѣ: тридцать человѣкъ въ рядъ съ одной стороны залы и такое же число съ другой, и затѣмъ началось совѣщаніе, продолвшееся до десяти часовъ. Я сидѣла въ смежной комнатѣ, такъ что все видѣла и слышала. Николай Петровичъ, никогда не любившій сидѣть, а еще менѣе стоять, ходилъ между старшинами взадъ и впередъ, разсуждая съ величайшимъ спокойствіемъ о томъ, что было бы для лезгинъ полезнѣе—покориться Шамилю, или остаться вѣрными русскому царю. Лезгины, въ свою очередь, говорили объ угрозахъ Шамиля, ихъ имама, объ ужасной участи семействъ своихъ, въ случаѣ, если Даніэль-Бекъ одержитъ побѣду; объ отвѣтственности, лежащей на отцахъ и на мужьяхъ, и объ ученіи религіозномъ, приводя при этомъ тексты изъ корана, которые мужъ мой истолковывалъ имъ по своему разумнію. Наконецъ онъ сказалъ имъ съ должною твердостью:

— Неужели же вы думаете, что, измѣнивъ русскому государю, вы спасетесь надолго?.. Нѣтъ, его императорское величество не оставитъ измѣны вашей безъ заслуженнаго вами наказанія. Сюда

придетъ русская армія, которая, побѣдивъ полчище Шамиля, захватитъ въ плѣнъ вашихъ женъ и дѣтей, а жилища превратитъ въ груды камней. Теперь же я не теряю надежды; я увѣренъ, что мы скоро прогонимъ непріятели и водворимъ миръ въ этомъ краѣ.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, всѣ старшины рѣшили, что лучше выждать еще нѣсколько времени, прибавивъ слѣдующія знаменательныя для Николая Петровича слова, произнесенныя Шабаномъ:

— Мы знаемъ тебя, Колюбакинъ: ты храбръ, честенъ и благороденъ; ты никогда не обманывалъ насъ, и мы вѣримъ тебѣ. Мы знаемъ, что ты любишь насъ, желаешь намъ добра, и увѣрены, что, если бы намъ выгодно было убить русскихъ и покориться Шамилю, ты сказалъ бы: сдѣлайте такъ.

Этими словами окончилось совѣщаніе, послѣ чего каждый изъ старшинъ, подходя по очереди къ Николаю Петровичу, цѣловалъ его въ плечо.

Хотя и успокоенный немного обѣщаніями старшинъ выждать до крайней возможности, Николай Петровичъ, уѣзжая въ отрядъ, взявъ, однако, съ переводчика слово, съ обычною рѣшимостью своею, что онъ убьетъ меня выстрѣломъ, если-бъ я находилась въ опасности быть взятою въ плѣнъ. Разумѣется, я и не подозрѣвала этого до окончанія экспедиціи. Не мнѣ описывать, какимъ образомъ непріятели, пробывшій въ Бѣлоканскомъ округѣ почти два мѣсяца, былъ изгнанъ,—скажу только, что по выходѣ его изъ края измѣнившихъ лезгинъ оказалось всего шесть человѣкъ.

II.

Поѣздка въ Керчь.—Новое назначеніе Колюбакина и производство его въ полковники.—Жизнь въ Тифлисѣ.—Два анекдота.—Назначеніе Колюбакина кутаисскимъ вице-губернаторомъ.—Жизнь въ Сухумъ-Калѣ.—Природа Абхазіи.—Объявленіе войны Турціи.—Назначеніе Колюбакина въ Ріонскій отрядъ.—Княгиня Шервашидзе.—Князь Дмитрій Шервашидзе.—Исправленіе Колюбакинскихъ должности кутаисскаго военнаго губернатора.—Усѣхн Омера-паши.—Письмо его къ княгинѣ Дадіани.—Отвѣтъ на это письмо, составленный Колюбакинскимъ.—Отступленіе Омера-паши.—Окончаніе войны и производство Колюбакина въ генераль-маіоры.—Жизнь въ Кутаисѣ.—Возмущеніе крестьянъ въ Мингреліи.

Въ 1848 году мы оставили Закаталы. Колюбакинъ взялъ отпускъ, и мы отправились въ Керчь, для свиданія съ моими родными. Это было въ декабрѣ; зима въ этотъ годъ была необыкновенно холодная, такъ что, выѣхавъ изъ Тифлиса въ саняхъ, мы доѣхали такимъ образомъ почти до Кутаиса, гдѣ братъ Николая Петровича былъ тогда вице-губернаторомъ. Замѣшкавшись немного у него, мы не застали уже парохода въ Редуть-Калѣ и поскакали оттуда

въ страшную погоду верхами до Поти. Приѣзжаемъ. «Здѣсь пароходъ?»—спрашиваетъ Колюбакинъ перваго попавшагося солдата. «Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, только что ушелъ». «Такъ надо ѣхать догонять его»,—сказалъ Николай Петровичъ, и мы рѣшились отправиться до Сухума на турецкой кочермѣ.

Долго качало насъ, или, вѣрнѣе сказать, носило по морю это маленькое парусное судно, не имѣющее каюты, и когда мы вѣхали въ Сухумскую бухту, парохода и слѣдъ простылъ. Мы напрасно вынесли ужасную ночь подъ открытымъ небомъ, страдая отъ холода и голода, да, сверхъ того, въ ожиданіи слѣдующаго парохода, должны были двѣ недѣли прожить въ Сухумѣ. Но и пароходу, убѣгавшему отъ насъ, не посчастливилось: онъ былъ выброшенъ на берегъ сильною бурей въ Одессѣ.

По возвращеніи въ Тифлисъ, мужъ мой получилъ мѣсто начальника секретнаго отдѣленія, а потомъ былъ сдѣланъ адъютантомъ въ штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и въ это время за исполненное порученіе, состоявшее въ усмиреніи какого-то горскаго племени, получилъ за отличіе чинъ полковника.

Въ Тифлисъ мы прожили до конца 1850-го года. Тутъ у Колюбакина было достаточно свободнаго времени, чтобы предаваться любимѣйшему занятію своему—чтенію, и посѣщать общество, гдѣ онъ находилъ величайшее удовольствіе въ бесѣдахъ съ образованными людьми.

Зимы проходили тогда довольно оживленно и весело. Княгиня Воронцова давала разъ въ недѣлю большіе вечера съ танцами и разъ въ недѣлю маленькіе—*soirées causantes*; на первыхъ мужъ мой бывалъ рѣдко, ибо никогда въ жизни не танцевалъ, а на вторыхъ—почти всегда. Остальные вечера распределялись между знакомыми, изъ которыхъ чаще всего Николай Петровичъ посѣщалъ князя Гагарина, находившагося тогда въ распоряженіи князя Воронцова и бывшаго впослѣдствіи вице-президентомъ академіи художествъ. Княгиня Гагарина, очень милая и образованная женщина, окружала себя наиболѣе интеллигентными личностями, сверхъ того, въ домѣ ея никогда не раскрывали карточныхъ столовъ, что мнѣ очень нравилось, тѣмъ болѣе, что Колюбакинъ любилъ карты и въ игрѣ горячился.

Политическія событія занимали Николая Петровича такъ сильно, что, когда одинъ хорошій знакомый нашъ, Ник. Влад. Ханыковъ, извѣстный оріенталистъ, весьма ученый человѣкъ и не менѣе мужа моего интересовавшійся политикой, являлся къ намъ по ночамъ съ какою нибудь важною новостью, Колюбакина будили, и оба пріятеля, одинъ ходя въ волненіи по комнатѣ, а другой—апатично качаясь въ креслѣ, спорили и разсуждали до утра о причинахъ, вызвавшихъ это важное событіе, о послѣдствіяхъ, долженствовавшихъ произойти отъ новаго переворота, и о вліяніи его на будущія дѣла Европы.

Ночи, проводимыя безъ сна, нисколько не утомляли Николая Петровича, ибо здоровье его было удивительно крѣпкое. Въ молодости ему ничего не значило зимой въ одной сорочкѣ просидѣть или, вѣрнѣе, пролежать съ книгой въ рукахъ у открытаго окна нѣсколько часовъ, не простужаясь, не получая даже насморка. Помню однакожь, что въ Закаталахъ онъ какъ-то простудился, и въ первый разъ въ жизни у него разболѣлись зубы. Онъ кричалъ, сердился, что никто не умѣетъ помочь ему, увѣрялъ, что ни у кого, конечно, зубы не болѣли такъ ужасно, какъ у него, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится. Наконецъ, сильная боль заставила его рѣшиться вырвать зубъ, дантиста у насъ не было, и онъ принужденъ былъ довѣриться обыкновенному доктору, на искусство котораго рассчитывалъ очень мало. Но, чтобы придать ему болѣе бодрости и живости для исполненія операціи, онъ, шути, положилъ подлѣ себя на столъ заряженный пистолеть, показавъ его предварительно врачу.

— Къ чему это оружіе? Вы хотите застрѣлиться? — спросилъ докторъ.

— Ошибаетесь, васъ хочу убить, если вы станете долго мучить меня.

Знакомый съ горячностью Колюбакина, докторъ, не совѣмъ увѣренный въ безопасности своей, захватилъ въ поспѣшности вмѣсто больного зуба здоровый, вырвалъ его и, бросивъ на столъ щипцы и зубъ, опростетью выбѣжалъ изъ комнаты.

Другой не менѣе оригинальный случай былъ въ Керчи. Чтобы припомнить забытый нѣмецкій языкъ, Николай Петровичъ уговорилъ одну изъ сестеръ моихъ нанять вмѣстѣ учителя. Сестра согласилась, учитель былъ найденъ, и уроки начались. Первые прошли благополучно и весело; однако наставникъ успѣлъ замѣтить въ ученикѣ своемъ слишкомъ много энергіи и чрезмѣрную отважность.

Разъ какъ-то всегда смирному и уступчивому нѣмцу захотѣлось выказать свой авторитетъ, и онъ рѣшился поспорить съ Колюбакинымъ о значеніи или выговорѣ какого-то слова. Ученикъ настаивалъ на своемъ, учитель не отступалъ отъ своего мнѣнія и горячился, что очень забавляло Николая Петровича.

— Ахъ! — воскликнулъ учитель, — зачѣмъ вы хотите меня учить! Я знаю, какъ нужно говорить, я карашо знаю грамматикъ, не спорьте со мной, Herr Capitain, — говорилъ нѣмецъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

Въ ту же минуту, чтобы попугать бѣднаго нѣмца, Колюбакинъ, быстро вскочивъ со стула, схватилъ пашку, выдернулъ ее изъ ноженъ и закричалъ, бросаясь на изумленнаго учителя:

— Wie! sie dürfen streiten mit einem braven caucasischen Officier¹⁾!

¹⁾ Какъ! вы осмѣливаетесь спорить съ храбрымъ кавказскимъ офицеромъ!

Перепуганный наставникъ обратился въ бѣгство, оставивъ свою шапку, и къ слѣдующему уроку не явился. Его стали искать и узнали, что съ послѣднимъ пароходомъ онъ выѣхалъ изъ Керчи, не потребовавъ ни платы за данные уроки, ни шапки своей, которая нѣкоторое время хранилась въ квартирѣ сестры моей, какъ трофеей неожиданной побѣды, одержанной надъ нѣмцемъ.

Хотя смѣшная исторія эта позабавила многихъ, но Николай Петровичъ сожалѣлъ о бѣдномъ бѣглецѣ, лишившемъ себя заслуженной платы, и, конечно, еслибъ ему случилось встрѣтиться съ нимъ, онъ вознаградилъ бы его щедро за нанесенную потерю.

У Колюбакина сердце было очень доброе, но, къ несчастію, онъ наслѣдовалъ безграничную вспыльчивость матери, причинившую ему много непріятныхъ и даже серъезныхъ столкновеній въ жизни. И странно, по наружности нельзя было предположить въ немъ темперамента горячаго: свѣтлые волосы, голубые глаза, нѣжность и бѣлизна кожи, признаки, по большей части, натуръ ярыхъ и апатичныхъ, не соотвѣтствовали его характеру энергичному, рѣшительному, буйному, а также его плотному, сильному сложенію и, если можно такъ выразиться, бравому виду. За этотъ самый бравый видъ и чрезмѣрную горячность друзья прозвали его — Колюбакинымъ немирнымъ, а брата его Михаила Петровича — Колюбакинымъ мирнымъ. И эти прозвища остались за ними навсегда. Однимъ словомъ, Николай Петровичъ былъ настоящимъ кавказцемъ, сыномъ того прежняго Кавказа, когда жизненные мелочи не занимали никого, когда жизнь расходовалась, какъ мелкая монета, когда ни одинъ изъ героевъ нашихъ не знаетъ, будетъ ли живъ черезъ недѣлю, когда сами женщины были проникнуты особенной твердостью, какимъ-то героизмомъ и не приходили въ отчаяніе, зная, что надъ ихъ мужьями, братьями и сыновьями непрерывно витала смерть. Тогда никто не унывалъ, и время проходило въ увеселеніяхъ; прямо съ бала, еще упоенные милыми взглядами и рѣчами, или съ веселой пирушки въ кругу товарищей, герои наши летѣли въ экспедицію, подъ пули враговъ, не заботясь объ ожидавшей ихъ опасности. И сколько изъ нихъ оставались тамъ, на полѣ брани, положивъ жизнь свою за отечество и за царя! Вотъ то былъ настоящій, навсегда памятный намъ Кавказъ.

Въ 1850 году мы переселились въ Кутаисъ, гдѣ Николай Петровичъ получилъ мѣсто вице-губернатора, но пробылъ тамъ не болѣе десяти мѣсяцевъ и былъ назначенъ начальникомъ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи, заключавшаго въ себѣ пространство отъ укрѣпленія «Гагры» до укрѣпленія «Николаевскъ».

Мѣстомъ жительства нашего былъ единственный городъ Абхазіи — Сухумъ-Калэ, расположенный на берегу большой, превосходной бухты. Онъ состоялъ только изъ двухъ улицъ; одна изъ нихъ тя-

нулась по берегу моря до крѣпости, существовавшей еще, но не имѣвшей уже должнаго угрожающаго вида, ибо бастионы ея начинали разрушаться, и пушки были съ нихъ сняты.

Всѣ дома, находившіеся на набережной, были заняты турками и ихъ кофейнями, гдѣ собирались матросы турецкой флотиліи, состоявшей изъ кочермъ (небольшихъ парусныхъ судовъ безъ каютъ), занимавшихся привозомъ контрабанды изъ Константинополя въ Абхазію и увозомъ оттуда въ Турцію молодыхъ дѣвушекъ для продажи ихъ въ гаремы. Русскіе пароходы преслѣдовали кочермы, но суда эти спасались весьма ловко, выскакивая на берегъ, куда нашимъ людямъ было тогда еще опасно съѣзжать. Другая улица, длинная, шла отъ берега моря до трапеціи (горы); тутъ въ домахъ, большею частью, деревянныхъ, весьма простыхъ, жили всѣ служащіе, военные и гражданскіе. Въ концѣ улицы былъ ботаническій садъ, основанный княземъ Воронцовымъ; ограда его, со стороны улицы, представляла сплошную высокую стѣну вьющихся розъ, что было чрезвычайно красиво. Въ самомъ саду находилось много рѣдкихъ растений, но послѣ разоренія его въ послѣднюю войну онъ почти заброшенъ.

Когда мы жили въ Сухумѣ, въ бухтѣ круглый годъ стояла эскадра изъ восьми военныхъ судовъ, командиры и офицеры которыхъ, всѣ люди прекрасно образованные и милые, оставили въ насъ самое пріятное воспоминаніе.

Въ тѣ времена Абхазія была извѣстна злокачественностью своего климата и, надо сознаться, не даромъ, ибо каждая простуда или неосторожность въ пищѣ влекли за собой страшные лихорадочные пароксизмы.

Мужъ мой, не привыкшій беречь себя, безпрестанно простужался и сильно страдалъ отъ лихорадки, положившей, по словамъ докторовъ, зародышъ болѣзни сердца, отъ которой онъ и умеръ.

Главной причиной лихорадокъ, какъ было тогда, такъ и теперь, — міазмы, поднимающіеся, при закатѣ солнца, съ горъ, покрытыхъ вѣковыми, непроходимыми лѣсами, въ которыхъ громадные дубы, орѣхи, каштаны, чинары, буковые и другія деревья, густо переплетенныя различными вьющимися растеніями, задерживаютъ теченіе воздуха, между тѣмъ какъ сверху ихъ припекаютъ жгучіе лучи солнца. Понятно, при этомъ въ нихъ содержатся постоянно, теплота, духота и сырость, производящія гніеніе растеній. Когда же вѣтеръ подуетъ съ горъ, что обыкновенно бываетъ по вечерамъ, то онъ нагоняетъ къ намъ міазмы гніющихъ корней, листьевъ и разлагающихся тѣлъ околѣвшихъ животныхъ. Скажу при этомъ, что въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются бизоны, барсы, рыси, волки, барсуки, олени, дикія козы, медвѣди и множество кабановъ.

Въ настоящее время лѣса на горахъ, ближайшихъ къ берегу моря, частью вырублены, частью очищены, и климатъ въ Абхазіи

очень измѣнился къ лучшему: лихорадки сдѣлались несравненно слабѣе, а о самыхъ ужасныхъ, извѣстныхъ «спячкахъ», и помину нѣтъ. И если бы нашлись люди, желающіе воспользоваться богатствами Абхазіи, этого очаровательнаго уголка земнаго шара, прелестнаго по мѣстоположенію и чуднаго по растительности, нѣтъ сомнѣнія, что съ обработкою земли климатическая болѣзнь исчезла бы совершенно.

Въ бытность нашу въ Сухумѣ больнымъ давали на каждый пріемъ отъ 20—30 грановъ хины, а одинъ докторъ, — это было на моихъ глазахъ, — принялъ заразъ сорокъ гранъ и черезъ два часа еще сорокъ; теперь же достаточны пріемы отъ 8—10 гранъ, то-есть количество, употребляемое въ Тифлисѣ. Надо еще прибавить, что больше всего страдаютъ отъ лихорадки люди, питающіеся незрѣлыми плодами, и тѣ, которые не остерегаются вечерней сырости, чувствуемой не долѣе двухъ часовъ, при закатѣ солнца. По мнѣнію докторовъ, специалистовъ грудныхъ болѣзней, всѣ больные, страдающіе воспаленіемъ легкихъ, должны были бы жить въ окрестностяхъ Сухума, гдѣ великолѣпная, разнородная растительность наполняетъ воздухъ самымъ здоровымъ для груди газомъ.

Стоитъ заглянуть на дачу полковника Введенскаго, чтобы видѣть, какіе сады можно имѣть въ Абхазіи, какія можно разводить рѣдкія экзотическія и тропическія растенія и плодовые деревья. Стоитъ также разспросить жителей и земледѣльцевъ, какой огромный доходъ даютъ виноградники и каждая десятина пахотной земли, чтобъ убѣдиться, какъ въ этомъ плодородномъ краѣ можно легко и скоро разбогатѣть. Между тѣмъ, несчастный Сухумъ послѣ погромовъ 1855 и 1877 гг. совершенно заброшенъ, а Абхазія хотя и населяется, но весьма медленно, встрѣчая затрудненія въ деньгахъ, а главное въ дорогахъ, ибо сообщеніе моремъ недостаточно.

Мы прожили въ Абхазіи два года. Осенью 1853 года была объявлена война Турціи, и вскорѣ приступлено было къ выводу гарнизоновъ изъ всѣхъ крѣпостей, расположенныхъ по береговой линіи. Едва успѣли вывести ихъ, какъ въ Босфорѣ появились непріятельскія суда союзныхъ державъ.

Оставаться долѣе въ Сухумѣ было уже невозможно, и мужъ мой рѣшился отправить меня въ Керчь, а оттуда я должна была при первой возможности уѣхать въ Таганрогъ, гдѣ жила одна изъ сестеръ моихъ. Мы ожидали только парохода, повезшаго въ Редутъ-Калѣ остальную часть войска, и который на возвратномъ пути въ Севастополь долженъ былъ зайти въ Сухумъ, чтобы забрать городскихъ жителей, желавшихъ отправиться въ Россію.

Сестру мою я случайно застала въ Керчи, и мы вмѣстѣ отплыли въ Таганрогъ на коммерческомъ суднѣ, подъ австрійскимъ флагомъ, такъ какъ русскимъ пароходамъ было уже небезопасно по-

казываться въ морѣ. Капитанъ нашего паруснаго корабля оказался не весьма ловкимъ морякомъ; семь сутокъ качалъ онъ насъ по Азовскому морю; правда, что все это время онъ боролся съ противнымъ вѣтромъ, а на восьмой день въ сорока верстахъ отъ Таганрога сѣлъ на мель, и судно его легло на бокъ. Въ такомъ не совсѣмъ удобномъ положеніи мы простояли почти сутки. На другой день, рано утромъ, замѣтивъ къ счастью для насъ какой-то баркасъ, мы съ трудомъ дозволялись его и, уговоривъ лодочника принять насъ, благополучно прибыли въ Таганрогъ поздно вечеромъ.

Съ большимъ сожалѣніемъ покидалъ Николай Петровичъ Сухумъ на другой же день послѣ моего отъѣзда; онъ основалъ въ немъ для абхазскихъ дѣтей двѣ школы — мужскую и женскую, устроилъ на берегу моря часть бульвара, существующаго теперь уже въ большомъ видѣ, и намѣревался мало-по-малу расширить городъ и украсить его, разведя садъ на большой площади, лежащей по правую сторону Колюбакинской улицы. Но намѣренія его остались мечтой, а все существовавшее при немъ было разорено непріателемъ, высадившимся въ Сухумъ вскорѣ по выѣздѣ Николая Петровича оттуда.

Прибывъ въ Тифлисъ, Колюбакинъ просилъ о прикомандированіи его къ дѣйствующей арміи и былъ назначенъ начальникомъ штаба въ зриванскій отрядъ, но пробылъ тамъ недолго. Убѣдясь, что серьезныхъ дѣлъ тамъ нечего было ожидать, онъ просилъ о переводѣ его въ главную армію, подъ Карсъ. Къ великому огорченію его, это почему-то не состоялось; онъ былъ посланъ въ распоряженіе командующаго ріонскимъ отрядомъ, князя Ив. К. Багратиона-Мухранскаго, и написалъ мнѣ тогда же, что я могу возвратиться на Кавказъ. Конечно, я не замедлила привести это въ исполненіе, проѣхавъ туда по военно-грузинской дорогѣ, то-есть черезъ кавказскій перевалъ и Тифлисъ, и поселилась въ Кутаисѣ, куда вскорѣ прибыла и супруга князя Мухранскаго, княгиня Нина Левановна, урожденная княжна Дадіани.

Мы жили съ ней въ одномъ домѣ, и понятно, что предметомъ короткихъ разговоровъ нашихъ, — княгиня затруднялась говорить порусски, — была война и опасности, которымъ подвергались наши мужья. Помню, какъ однажды, не имѣя долго извѣстій изъ отряда, мы нашли, что не худо было бы приблизиться къ нему. Вздумано-сдѣлано; явились, конечно, и кавалеры, предложившіе княгинѣ сопровождать ее. На другой же день намъ привели осѣдланыхъ лошадей, и мы отправились въ какой-то лѣсъ, гдѣ пробыли трое сутокъ, ночуя въ шалашѣ, устроенномъ изъ зеленыхъ вѣтвей, и питаясь соленой рыбой и жареными курами. При этомъ безпокойство наше почему-то разомъ уменьшилось, мы смѣялись и шутили, не смотря на то, что до насъ доносился иногда грохотъ пушечной пальбы.

Но возвратимся къ Абхазіи. Владѣтелю этой страны, князю Михаилу Шервашидзе, поручено было вывести оттуда находящіеся тамъ войска, для отправленія ихъ изъ Редута въ Грузію. Исполнивъ возложенное на него порученіе, онъ остался въ Мингрелии у князя Георгія Дадіани, на дочери котораго былъ женатъ.

Красавица, княжна Александра Георгіевна Дадіани, двоюродная сестра владѣтеля мингрельскаго, была второй женой князя Михаила: съ первой, тоже изъ дома Дадіани, онъ разошелся. Я была знакома и съ первой и со второй, но послѣдняя правилась мнѣ гораздо больше: въ ней было что-то особенно привлекательное. Ея красивое лицо и добрый взглядъ носили оттѣнокъ постоянной грусти, располагавшей всѣхъ въ ея пользу, и, какъ мнѣ говорили многіе, она была чрезвычайно набожна и съ окружающими ласкова.

Въ маѣ мѣсяцѣ ее перевозили въ Соуксу, лѣтнее мѣстопробываніе ея на берегу моря, а въ октябрѣ она возвращалась въ Очамчыры. Путь этотъ пролегалъ чрезъ Сухумъ, и такъ какъ далекій переѣздъ совершался верхомъ, то она, со свитою своею, состоявшею изъ двадцати женщинъ, священника и нѣсколькихъ мужчинъ, останавливалась ночевать у меня. Такимъ образомъ, въ бытность мою въ Сухумѣ, я видѣлась съ нею два раза въ годъ. Тутъ бѣдняжка, какъ говорится, отводила душу, рассказывая мнѣ со слезами о горькой участи своей.

— Ахъ!—говорила она, глубоко вздыхая:—мужъ мой владѣтельный князь, онъ знатенъ и богатъ, но невесела жизнь моя; его я почти никогда не вижу, онъ всегда занятъ или на охотѣ, а дѣтей моихъ, по обычаю края, отнимаютъ у меня тотчасъ послѣ рожденія и отдаютъ чужимъ людямъ для кормленія грудью и для воспитанія. А развѣ чужіе могутъ воспитать ихъ, какъ родная мать? Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ... Еслибъ они были всегда со мной, какъ бы я берегла ихъ, какъ бы ласкала! И они любили бы меня, и я была бы счастлива. А теперь, когда котораго нибудь изъ нихъ привезутъ показать мнѣ одинъ разъ въ годъ, ребенокъ дичится, не подходитъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на чужую. У васъ, русскихъ, не такъ: у васъ гораздо лучше, вы счастливыѣ насъ; у васъ сама мать кормитъ ребенка, она учитъ его ходить, говорить, смотреть, какъ онъ растетъ, какъ начинаетъ все понимать. О! нашъ законъ дикій, скверный, и, знаете ли, я терпѣть не могу кормилицъ моихъ дѣтей: я завидую имъ.

Я была однажды свидѣтельницей свиданія княгини Шервашидзе съ старшимъ сыномъ ея, Георгіемъ, такъ какъ свиданіе это было устроено Николаемъ Петровичемъ и происходило въ нашемъ домѣ. Мальчикъ не только не подходилъ къ ней, но, когда она звала его, онъ бросалъ на мать неласковый взглядъ и пряталъ голову въ колѣна кормилицы, а ему тогда было уже лѣтъ шесть,

и онъ, казалось, не зналъ, что у него есть мать, нѣжно любящая его. Да, можетъ быть, ему никогда и не говорили о ней.

Эта грустная сцена сильно разстроила меня, и я долго не могла забыть страдальческаго выраженія лица несчастной матери, ея печальныхъ, полныхъ слезами глазъ, устремленныхъ на сына, и вздоха, вырвавшагося изъ ея груди.

Не находя утѣшенія ни въ комъ и ни въ чемъ, не предвидя въ будущемъ ничего лучшаго, прелестная княгиня Александра, или, какъ ее называли здѣсь, «Цуцу», замученная горемъ и тоской, умерла въ молодыхъ годахъ отъ чахотки.

Мнѣ неизвѣстны подробности ея смерти; я знаю только, что она скончалась въ Мингрелии, въ домѣ отца своего, и что за нѣсколько мѣсяцевъ до того она ѣздила съ княземъ Михаиломъ на воды за границу; но лѣчение это не только не повело къ выздоровленію ея, а напротивъ ускорило ея смерть.

Высадившись въ Сухумѣ, Омеръ-паша не замедлилъ употребить всевозможныя старанія, чтобы привлечь на свою сторону все населеніе Абхазіи, и, не довольствуясь покорностью тѣхъ, кто находился при немъ, пробовалъ чрезъ посредниковъ соблазнить и князя Дмитрія Шервашидзе, находившагося при нашихъ войскахъ начальникомъ кавалеріи; но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, самъ написалъ къ нему пофранцузски, стараясь объяснить, что цѣль его правительства заключается не въ завоеваніи новыхъ странъ, а единственно въ желаніи, освободивъ ихъ отъ владычества русскаго, возвратитъ прежнія права ихъ.

«Но призываю васъ,—говорилъ онъ въ концѣ своего письма,—вы сами разсудите: обязаны ли вы въ настоящихъ обстоятельствахъ посвятить своей родинѣ ваши силы и познанія».

Князь Дмитрій, не знавшій французскаго языка, обратился къ мужу моему, прося высказать Омеру-пашѣ въ учтивыхъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ отечествомъ своимъ Россію и ни въ какомъ случаѣ не согласится принять предложеніе, оскорбляющее его честь.

Николай Петровичъ тотчасъ же составилъ въ желаемомъ смыслѣ отвѣтъ на посланіе Омера-паши и въ заключеніе прибавилъ: «Я недоступенъ заразѣ, вызываемой дурными примѣрами, и нахожу, что отечество мое тамъ, гдѣ пребываетъ мое законное правительство».

Это было первое и послѣднее письмо, адресованное князю Дмитрію изъ враждебнаго лагеря.

Мнѣ пріятно вспомнить о князѣ Дмитріѣ, который былъ у насъ въ домѣ, какъ свой. Удѣльный князь Абхазіи и двоюродный братъ владѣтеля, онъ служилъ сначала въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку, а потомъ женился на родной сестрѣ послѣдняго владѣтеля Мингрелии, князя Давида Дадіани, съ семействомъ котораго мы всегда

были въ дружескихъ отношеніяхъ. Князя Дмитрія мы любили, какъ человѣка умнаго, и уважали за непоколебимую преданность его Россіи, доказанную во многихъ случаяхъ при исполненіи имъ должности сухумскаго окружнаго начальника, а также во время войны 1854 г., когда онъ отличался въ сраженіяхъ противъ Омера-паша.

Въ то время Колюбакинъ находился уже не въ отрядѣ: онъ исправлялъ должность кутаисскаго военнаго губернатора и жилъ въ Кутаисѣ.

Вѣсти изъ нашего отряда доходили до насъ ежедневно; такимъ образомъ, намъ было извѣстно, что непріятельская армія была гораздо сильнѣе нашей, то-есть многочисленнѣе, что князь Мухранскій требовалъ подкрѣпленія и въ ожиданіи его не могъ дѣйствовать рѣшительно.

Въ первыхъ числахъ октября 1855 года Омеръ-паша, во главѣ своей арміи, двинулся изъ Сухума въ Самурзакань, и страна эта, прилегающая къ Абхазіи, тотчасъ же покорилась ему.

Зная, какъ пламенно мингрельцы желали выйти изъ-подъ власти владѣтелей, Колюбакинъ боялся, чтобы для исполненія этого желанія они не воспользовались беспорядками, причиненными войной, и не послѣдовали примѣру самурзаканцевъ, но, къ счастью, этого не случилось, хотя было очень близко къ тому.

Между тѣмъ, турки подвигались впередъ. Они дошли уже до рѣки Ингура и готовились переправиться на другой берегъ ея, чтобы занять Мингрелію. Но тутъ встрѣтили русскихъ, и 25-го октября князь Мухранскій, защищая переправу, имѣлъ большое сраженіе, извѣстное подъ названіемъ «ингурскаго», послѣ котораго, будучи не въ силахъ удержаться на занятыхъ имъ позиціяхъ, онъ принужденъ былъ отступить. Непріятель же, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей, укрывшихся въ лѣсахъ, вторгся въ Мингрелію и свободно достигъ мѣстечка Зугдиди, гдѣ владѣтели проводили обыкновенно зимніе мѣсяцы. Тутъ у нихъ былъ большой, прекрасный домъ, роскошно меблированный не задолго предъ войной выписанной изъ Парижа мебелью, и великолѣпный садъ, наполненный рѣдкими, дорогими цвѣтами.

Переходъ турецкой арміи чрезъ Ингуръ встревожилъ не только княгиню Дадіани, которая принуждена была, бросивъ Зугдиди, перебраться въ горы, въ имѣнне Горди, лѣтнее мѣстопребываніе свое, но и жителей Кутаиса.

Намѣреніе Омера-паша было, взявъ Кутаисъ, добраться до Тифлиса, и, какъ говорили, войска у него для этого было достаточно. Поэтому со дня на день ожидали появленія его въ Кутаисской губерніи. Начались толки о необходимости оставить городъ, и многія семейства, не желая быть застигнутыми непріателемъ врасплохъ, уложивъ и попрятавъ вещи, успѣшили отправиться, кто въ Гори, кто въ Тифлисъ.

Вскорѣ затѣмъ прискакалъ къ Колюбакину курьеръ отъ князя Мухранскаго съ приказаніемъ вывезти изъ Кутанса казначейство и дѣла губернскаго правленія. Тутъ началась настоящая суматоха; почти все женское населеніе Кутанса стало собираться въ путь; хлопотали о средствахъ передвиженія, требуя изъ деревень лошадей, арбы и буйволовъ, и, наконецъ, потянулись за городъ экипажи съ дамами и съ дѣтьми, повозки съ семействами гражданъ, арбы съ вещами, кошками, собаками и курами. Много мужчинъ въ чохлахъ и простыхъ женщинъ въ пестрыхъ платьяхъ и катибахъ ѣхали верхами; были между ними и деревенскіе священники въ полинялыхъ рясахъ. Уѣзжали, куда кто могъ.

Между тѣмъ, расположившись въ домѣ княгини Дадіани и покоясь на ея бархатныхъ кушеткахъ и атласныхъ креслахъ, Омеръ-паша сталъ придумывать, какими предложеніями и обѣщаніями онъ могъ бы скорѣй склонить на свою сторону гордую владѣтельницу. Наконецъ, присѣвъ къ ея бюро, украшенному прелестнѣйшими инкрустаціями и множествомъ различныхъ бездѣлушекъ, онъ написалъ къ ней длинное посланіе въ самыхъ любезныхъ и лестныхъ для самолюбія ея выраженіяхъ и, между прочимъ, слѣдующее: «Настоящая война предпринята моимъ августѣйшимъ государемъ и его могущественными союзниками съ праведливымъ намѣреніемъ избавить васъ отъ ига русскаго и положить конецъ завоеваніямъ російскаго императора. Съ этой цѣлью я нахожусь здѣсь и могу увѣрить васъ, княгиня, что у меня достаточно войскъ, чтобы изгнать непріятеля изъ края, въ которомъ царствуетъ ваша свѣтлость. Единственное желаніе моего монарха заключается въ томъ, чтобы Мингрелія и сосѣднія съ нею страны пріобрѣли независимость, какъ отъ Россіи, такъ и отъ другихъ державъ, и управлялись свободно своими правительствами».

Затѣмъ слѣдовало приглашеніе поскорѣе прибыть въ Зугдиди, гдѣ, по словамъ его, присутствіе княгини необходимо было для пользы ея сына и для блага подвластнаго ей народа.

Копію съ этого письма княгиня прислала моему мужу, прося придумать на него приличный отвѣтъ. Вотъ какъ отвѣтилъ Николай Петровичъ:

«Вѣжливость обявываетъ меня отвѣтить на письмо, которое вы сочли нужнымъ написать ко мнѣ. Я буду на столько кратка и ясна въ выраженіяхъ, на сколько того требуютъ обстоятельства. Вы прибыли, генераль, въ Мингрелію съ цѣлью сдѣлать ее независимою отъ Россіи, а это-то именно противно моимъ желаніямъ, да, по мнѣнію моему, и пользѣ моей страны. Мингрелія не можетъ существовать безъ сильнаго покровительства по причинамъ, которыя было бы слишкомъ долго перечислять и которыя, конечно, не ускользнули отъ вашего пониманія. Поэтому, при независимости отъ Россіи, я должна буду принять покровительство одной

изъ трехъ могущественныхъ державъ, а я скажу вамъ откровенно, почему ни одного изъ этихъ покровительствъ не желаю. Турція не можетъ помышлять о покровительствѣ другимъ, допуская надъ собой покровительство и, должно сознаться, вовсе незавидное. Странно было бы отдать себя подъ покровительство французскаго правительства, правительства случайнаго, которое не сегодня, такъ завтра само не будетъ существовать. Вы сами, генераль, не совѣтовали бы мнѣ принять покровительство Англій: индѣйцы, китайцы, іонійцы сдѣлались ихъ рабами. Наконецъ, не скажу вамъ, чтобъ я желала коллективнаго покровительства трехъ державъ, чтобы не дать вамъ повода посмѣяться надо мной».

Колюбакинъ имѣлъ привычку сочинять письма свои и важныя бумаги, ходя по комнатѣ и диктуя ихъ мнѣ, поэтому и настоящее письмо я писала подъ его диктовку и, когда оно было окончено, я замѣтила ему, что княгиня не отправитъ его по назначенію.

— Очень вѣроятно, — отвѣчалъ онъ: — я самъ знаю, что оно слишкомъ рѣзко и не дипломатично, но я пишу, какъ думаю, и развѣ это не правда?

— Конечно, правда; только въ настоящемъ случаѣ твои прямыя сужденія не пригодны.

— Такъ пусть изорвутъ мое письмо.

И точно княгиня не воспользовалась имъ, хотя оно очень понравилось ей.

Пребываніе княгини Дадіани въ Мингреліи, въ близкомъ разстояніи отъ непріятели, сильно беспокоило насъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ прискачетъ гонецъ съ извѣстіемъ, что княгиня и семейство ея взяты въ плѣнъ. И сколько разъ писали мы къ ней, уговаривая пріѣхать къ намъ; но она предпочла подняться въ Леджумъ и поселиться тамъ въ Цагерскомъ монастырѣ, близъ имѣнія своего Мури.

Ноября 20-го дошла до насъ радостная вѣсть о взятіи Карса, и Николай Петровичъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ княгиню Екатерину Александровну, зная, какъ новость эта должна была обрадовать и успокоить ее, а Омера-пашу смутить и разрушить его побѣдоносные планы, ибо со взятіемъ Карса освобождалась часть осаждавшихъ его войскъ, которыя могли быть направлены на помощь намъ.

Въ это же самое время, весьма кстати для насъ, начались сильныя дожди, дороги сдѣлались непроходимы, переправы черезъ рѣки затруднительны, а слѣдовательно и подвозъ провіанта невозможенъ, вслѣдствіе чего Омеру-пашѣ оставалось одно средство къ спасенію — ретироваться къ морю, гдѣ стояли его пароходы.

Русскіе, конечно, преслѣдовали непріятели, при чемъ были сраженія; но такъ какъ описаніе военныхъ дѣйствій совсѣмъ не по моимъ силамъ и способностямъ, я перенесусь въ жизнь граждан-

скую, мирную. Послѣ окончанія войны Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы и утвержденъ въ званіи кутаисскаго военнаго губернатора и управляющаго гражданской частью. Вложивъ саблю въ ножны, онъ взялся за перо и, не смотря на то, что большую часть жизни провелъ въ экспедиціяхъ, онъ съ увлеченіемъ принялся за управленіе гражданское, приложивъ къ этому дѣлу всѣ свои старанія и способности, однимъ словомъ—предался ему всей душой. Чтобы лучше познакомиться съ характеромъ, обычаями и нуждами имеретинъ, онъ ѣздилъ по деревнямъ, оставался тамъ день и даже болѣе и, сидя въ какомъ нибудь лѣсу на пнѣ, подъ тѣнью огромнаго каштана или орѣха, собиралъ вокругъ себя помѣщиковъ и крестьянъ, разсуждалъ съ ними, выслушивалъ ихъ жалобы, толковалъ имъ законы, старался мирить ихъ и часто тутъ же на мѣстѣ рѣшалъ возникавшіе между ними поземельные споры, происходившіе отъ того, что земли не были размежеваны и раздѣлены между родственниками. Такіе гласные суды весьма облегчали крестьянъ, ибо имъ надо было бросать полевые и домашнія работы, чтобы издалека и по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ ходить за правосудіемъ въ городъ.

Кутаисъ—городъ небольшой, но красивый по мѣстоположенію своему. Въ 1484 году онъ былъ сдѣланъ столицей Имеретин, слѣдовательно онъ существуетъ уже болѣе четырехсотъ лѣтъ, какъ главный городъ страны; основанъ же онъ былъ, вѣроятно, гораздо прежде, о чемъ свидѣлствуютъ развалины древняго монастыря, построеннаго на горѣ, возвышающейся надъ городомъ. Монастырь этотъ, напоминающій времена истинной, непоколебимой вѣры въ Бога, былъ основанъ, какъ я слышала, въ V вѣкѣ, и это весьма возможно, ибо св. Нина проповѣдовала христіанство въ Иверіи (Грузіи) въ 318 году. Чрезвычайно красивы развалины монастыря; стѣны его съ двухъ сторонъ были покрыты почти всюду плющемъ, разросшимся по разнымъ направленіямъ изъ одного корня, посаженнаго неизвѣстно кѣмъ и когда. Во всякомъ случаѣ, это было давно, очень давно, такъ какъ стволъ его близъ корня имѣлъ въ окружности десять вершковъ, толщину весьма рѣдкую для плюща.

Въ окрестностяхъ Кутаиса есть еще два монастыря: Гелатскій и Мадзаметскій, построенные въ VI вѣкѣ въ мѣстностяхъ гористыхъ и весьма живописныхъ. Въ обѣихъ обителяхъ живутъ монахи, и ихъ часто посѣщаютъ городскіе жители и путешественники, особенно Мадзаметскую, какъ обитель, находящуюся не далѣе трехъ верствъ отъ города. Гелатскій монастырь, весьма красивой архитектуры, расположенъ выше. Виды изъ него великолѣпны, но дорога, ведущая къ нему, будто нарочно выложенная большими, гладкими плитами, была тогда невозможна для экипажей: мы поднимались туда верхами, да и то съ затрудненіемъ.

Лучшій видъ въ городѣ—съ моста, перекинутого чрезъ Ріонъ. Быстрая рѣка эта, какъ всѣ здѣшніе горные потоки, имѣетъ каменистое ложе, и потому въ мѣстахъ неглубокихъ вода, разбиваясь о камни, бѣлѣе выдающіеся надъ поверхностью ея, образуетъ серебристую пѣну, въ которой солнечные лучи отражаются радужными цвѣтами.

Отсюда, то-есть съ моста, видна извивающаяся между скалами и рѣкой узкая дорога, ведущая къ ботаническому саду, носящему названіе это, надо признаться, совершенно незаслуженно, потому что,—такъ по крайней мѣрѣ было въ бытность нашу въ Кутаисѣ,—кромѣ нѣсколькихъ копенъ сѣна, двадцати тощихъ фруктовыхъ деревьевъ, повители да барской спѣси, я не видала никакихъ признаковъ и принадлежностей ботаническаго сада.

Лѣтомъ Кутаисъ бывалъ пустъ, такъ какъ, за исключеніемъ служащихъ, всѣ имеретинскіе и гурійскіе помѣщики, составлявшіе большую часть его населенія, разъѣзжались по деревнямъ. Зимой же, напротивъ, городъ былъ довольно оживленъ. Многолюдныя собранія и танцы происходили только въ клубѣ, а у насъ никогда. Мужъ мой, человѣкъ въ высшей степени общительный, но совершенно неспособный подчиняться свѣтскому этикету, не давалъ ни баловъ, ни парадныхъ обѣдовъ, хотя въ необходимыхъ, особенныхъ случаяхъ умѣлъ быть любезнымъ, а въ большихъ общественныхъ собраніяхъ и на публичныхъ обѣдахъ или ужинахъ ему ничего не стоило, не приготовляясь къ тому заранѣе, сказать блистательный спичъ. За то каждый день нѣсколько мужчинъ приходили къ намъ обѣдать безъ приглашенія, дамы же пріѣзжали по вечерамъ запросто, не заботясь о нарядахъ, и всѣ гости собирались въ кабинетъ Колюбакина; тамъ можно было, не боясь помѣшать его занятіямъ, громко разговаривать и въ карты играть. Иногда хозяинъ дома предлагалъ прочесть гостямъ что нибудь интересное, и это всегда принималось съ удовольствіемъ.

Такимъ образомъ, проходили дни за днями. Между тѣмъ, до Николая Петровича доходили слухи, что въ Мингрелии должно вспыхнуть давно готовящееся возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, и дѣйствительно въ маѣ 1857 года оно явилось на свѣтъ организованнымъ, то-есть въ немъ можно было замѣтить начальниковъ милиціи и цѣлое управленіе.

Княгиня Дадіани тотчасъ же увѣдомила о томъ Колюбакина и, находясь лично въ трудномъ и опасномъ положеніи, просила его частнымъ письмомъ пріѣхать къ ней на помощь по дружбѣ.

Мужъ мой зналъ о возстаніи мингрельцевъ еще до полученія ея письма и доведъ о томъ кутаисскому генераль-губернатору князю Гагарину, находившемуся тогда въ Абхазіи для усмиренія сосѣднихъ ей непокорныхъ убуковъ. Самъ же, по обязанности военнаго губернатора, отправился на границу своей губерніи, при-

легающей къ Мингреліи, чтобы предупредить безпорядки, могущіе перейти въ Имеретію. Въ то же время онъ повидался и съ Екатериной Александровной Дадіани.

На донесеніе свое князю Гагарину о бунтѣ онъ получилъ въ отвѣтъ, что, по невозможности оставить предпринятое имъ дѣло съ убытками, онъ ему поручаетъ подавить возмущеніе и употребить для этого военную силу, если найдетъ въ томъ необходимость.

Александра Колюбакина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА I ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ЖАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, осуществившій на практикѣ планы и проекты лучшихъ передовыхъ людей своего времени, Петръ I отвелъ себѣ видное мѣсто въ русской исторіи, и историческая наука всегда удѣляла и удѣляетъ ему должное вниманіе. Но характеръ дѣятельности Петра, ея значеніе для общественной и государственной жизни русскаго народа и самая личность преобразователя вызывали далеко неодинаковую оцѣнку у различныхъ представителей исторической литературы. Въ то время, какъ благоговѣніе и увлеченіе выдающейся личностью Петра, или другія побужденія, не имѣющія ничего общаго съ интересами исторіи, какъ науки, заставляли однихъ преувеличивать значеніе и заслуги императора, отнимали у нихъ историко-литературныхъ произведеній характеръ и значеніе научныхъ историческихъ изслѣдованій и превращали ихъ въ панегирики, отсутствіе подобныхъ побужденій давало возможность другимъ историкамъ критически относиться къ объекту своихъ изслѣдованій.

Въ свою очередь и послѣдняя категория историковъ, по характеру своихъ отношеній къ Петру, подраздѣлялась и подраздѣляется на двѣ особыя группы; славянофильскія тенденціи во всѣхъ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, дѣлая невозможнымъ сочувственное отношеніе къ человѣку, силою принуждавшему своихъ подданныхъ заимствовать иноземныя учрежденія и обычаи, вслѣдствіе признанія несостоятельности древне-русскаго національнаго быта, обуславливали собою не только критическое отношеніе извѣстной группы изслѣдователей къ дѣятельности Петра, но и не

команды. Матушка по болѣзни своей оставила Сорокино и жила уже съ нами. Дядя мой любилъ и уважалъ мать мою и не оставлялъ своимъ родственнымъ покровительствомъ; на лѣкарства и на собственныя ея издержки высылалъ деньги и во всемъ утѣшалъ ее, что она отъ него требовала. День отъ дня болѣзнь усиливалась; въ 1815 году, на Страстной недѣлѣ, она соборовалась масломъ и получила облегченіе, могла выходить въ другую комнату съ дозволенія доктора. На другой день Свѣтлаго Воскресенія, въ 1815 году, насъ посѣтили утромъ всѣ приходскіе священно-іереи, и потомъ прѣзжали знакомые; она вышла въ гостинную, сѣвъ на диванъ, попросила поль-чашки кофе разговѣться; только что ей подали, взявъ чашку, едва успѣла поставить оную на маленькій столикъ, съ словами «смерть моя» упала на диванъ безъ чувствъ и вся охолодѣла, но у сердца была теплота, означавшая признакъ живности. Мы послали за соборнымъ протопопомъ; онъ былъ ея духовникъ. И она въ такомъ положеніи была сутки; сдѣлана была глухая исповѣдь, приобщили Св. Таинъ, покрыли скатертью и ожидали конца... Къ суткамъ начала оживляться, показался цвѣтъ лица, потомъ, вдохнувъ, открыла глаза, перекрестилась, повторила три раза «Христосъ Воскресе». Докторъ приказалъ перенести ее на кровать; она слабымъ голосомъ сказала:

— Дѣва, другъ мой, поднимите отъ Спаса чудотворную икону Печерской Божіей Матери, отслужите всенощную и молебень съ водоосвященіемъ, можетъ, Заступница и подкрѣпитъ меня грѣшную.

Заблаговѣстили къ вечернѣ, мы съ мужемъ пошли къ Спасу, подняли образъ Божіей Матери; началась всенощная, и матушка заснула во время службы крѣпкимъ сномъ.

Е. Я. Березина.

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ ¹⁾.

III.

Назначеніе Колюбакина управляющимъ Мингреліею. — Мингрельскіе нравы. — Братья Дадішкідіани. — Убійство князя Гагарина. — Назначеніе Колюбакина эриванскимъ военнымъ губернаторомъ. — Поѣздка въ Эривань. — Подземное озеро. — Жизнь въ Эривани.

ВОЗСТАНИЕ въ Мингреліи было подавлено, введено русское управленіе, и въ августѣ, по выѣздѣ княгини Дадіани съ семействомъ изъ владѣній ея, Николая Петровича назначили управляющимъ Мингреліею. Мы поселились въ мѣстечкѣ Квашихоры, въ домѣ князя Элизбара Дадіани, одного изъ дядей владѣтеля, то-есть въ домѣ ботоно-швили: члены владѣтельской фамиліи назывались — дидиботоно или ботоно-швили ²⁾). Домъ этотъ былъ до того ветхъ, что во время сильныхъ вѣтровъ грозилъ паденіемъ крыши или, еще вѣрнѣе, совершеннымъ разрушеніемъ. Поэтому въ такіе дни изъ предосторожности мы ложились спать на половину одѣтыми, чтобы при малѣйшей опасности тотчасъ же можно было выскочить изъ дому, и я спала тогда, что называется, однимъ глазомъ. Вдобавокъ къ этому неудобству надо прибавить еще, что низменные мѣста Мингреліи буквально затоплялись осенью отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей, и рѣчки переполнялись водой на столько, что

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVIII, стр. 379.

²⁾ Диди — значитъ большой, швили — сынъ, ботоно — господинъ.

арбы не могли переправляться черезъ нихъ, конечно, по установленному въ краѣ порядку — вбродъ. Поэтому намъ случилось по нѣскольку дней оставаться безъ провизіи и безъ дровъ, а въ это время, на бѣду мою, Николай Петровичъ заболѣлъ, и комнату его необходимо было нагрѣвать до 16°. За лѣкарствомъ для него и за провизіей я кое-какъ посылала верховаго вплавь черезъ рѣки и огромныя глубокія рытвины, наполненныя грязью, а для топки печей люди наши ломали изгороди. Мы могли бы жить въ Зугдиди, но турки, уходя изъ Мингреліи, разорили и домъ и садъ владѣтельницы и всѣ остальные постройки.

Усадьбы какъ мингрельскихъ, такъ имеретинскихъ, гурійскихъ и абхазскихъ князей, дворянъ и крестьянъ разбросаны далеко одна отъ другой и расположены слѣдующимъ образомъ: на большой полянѣ, покрытой травой, стоитъ одноэтажный домъ съ большимъ балкономъ, а подлѣ него двѣ сакли для прислуги и еще нѣсколько хозяйственныхъ построекъ. На балконѣ господскаго дома устроены тахты; тамъ княгини проводятъ цѣлые дни, перебирая чѣтки и пересказывая одна другой старыя сплетни и новыя извѣстія. Тутъ же передъ ботонами сидятъ на полу два или три бичо (слугъ), и, опершись на перила, стоятъ нѣсколько того (служанокъ) и, слушая новости и пересуды господъ, часто вмѣшиваются въ ихъ разговоры. Старые князья, для жалобъ на дворянъ и на крестьянъ, а также для обсужденія дѣлъ, касающихся всего края, или для сообщенія секретно всего, что дѣлается въ домѣ владѣтеля, избираютъ преимущественно мѣсто подъ большимъ ореховымъ или каштановымъ деревомъ, обнесеннымъ скамьей, а такихъ деревьевъ бываетъ обыкновенно на полянѣ четыре или пять. Пока они разсуждаютъ, большею частью, вполголоса, къ тому или къ другому изъ князей подходятъ босые и чуть не нагіе люди съ докладами: это крестьяне низшаго класса, что-то въ родѣ рабовъ. Подойдя къ князю, согнувшись и держа руку на груди, рабъ цѣлуетъ полу княжеской чохи и затѣмъ передаетъ ему, что слѣдуетъ. Выслушавъ его, князь отвѣчаетъ ему коротко и сухо, и тотъ, приложившись снова къ краю господской чохи, уходитъ, не разгибая спины.

Молодые же люди, проводящіе большую часть жизни на охотѣ, забавляются вечеромъ на полянѣ игрою въ мячъ, и часто забава эта кончается порядочными ушибами и кровотеченіемъ отъ полученнаго удара по носу.

Точно такая поляна была и въ Квашихорахъ. Княгиня Меники¹ первая супруга владѣтеля Абхазіи, князя Михаила, покинутая имъ, жила подлѣ насъ въ особомъ, принадлежавшемъ ей маленькомъ домѣ, поэтому я часто имѣла удовольствіе видѣться съ ней и, признаюсь, неудовольствіе выслушивать жалобы ея на то, что съ введеніемъ въ Мингрелію русскаго управленія она лишилась

прежняго дохода съ ворованнаго скота. Доходъ же этотъ состоялъ въ томъ, что, когда подвластному ей дворянину или крестьянину удавалось украсть буйволовъ или лошадей, то онъ былъ обязанъ одно изъ животныхъ представить ей.

Воровство скота считалось такимъ удалствомъ, что дѣвушка, выходя замужъ, гордилась женихомъ, если онъ былъ ловокъ въ этомъ похвальномъ занятіи.

Прошу читателя не забывать, что я описываю бывшее, впрочемъ, не весьма отдаленное время, но надо сказать, къ чести здѣшняго края, что хотя не все еще, однако очень многое измѣнилось къ лучшему, и есть надежда на быстрые успѣхи въ развитіи страны и ея жителей.

Въ то время, когда мужъ мой управлялъ Мингрелією, въ Кутаисѣ разыгралась страшная кровавая драма. Кутаисскій генералъ-губернаторъ князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ, его чиновникъ особыхъ порученій Ильинъ и переводчикъ были убиты княземъ Константиномъ Дадишкилиани, членомъ фамиліи бывшихъ сванетскихъ владѣтелей.

Я не желала бы упоминать объ этомъ ужасномъ происшествіи, но принуждена описать его и довольно подробно, потому что съ нимъ связана судьба моего мужа.

Всѣмъ извѣстно, что значить кровомщеніе. Этотъ варварскій обычай, порождавшій когда-то безчисленныя преступленія, разрывавшій самыя близкія родственныя узы между христіанами и соблюдаемый нынѣ одними мусульманами, какъ догматъ религіозный, — въ бытность нашу въ Мингреліи исполнялся, да и теперь, кажется, исполняется еще въ Сванетіи, хотя христіанство было введено тамъ въ одно время съ Грузіей. Доказательствомъ тому могутъ служить многочисленныя древніе христіанскіе храмы, существующіе въ Сванетіи.

Страна эта, благодаря гористому мѣстоположенію своему, какъ будто отдѣлена отъ всего окружающаго ее міра. Подобно орлиному гнѣзду, скрытому между скалами на недосыгаемой вершинѣ, она не страшилась ничьего нападенія, не признавала ничьей власти и, пользуясь полной свободой, придерживалась прежнихъ дикихъ обычаевъ своихъ, хотя такъ же, какъ Имеретія и сосѣдняя съ нею Мингрелія, была подвластна Россіи. Обитатели ея — настоящіе атлеты; они трудолюбивы, честны, одарены умственными способностями, какъ всѣ кавказскіе горцы, самостоятельны и отважны. Кинжалъ въ рукѣ сванета то же самое, что линейка въ рукѣ школьнаго учителя, и дикій горецъ не задумается употребить его въ дѣло при малѣйшей ссорѣ или обидѣ. Мудрено ли, что у такого народа каждое убійство влекло за собой кровавое возмездіе, и что семейство, не отмстившее смертью за смерть, считалось у нихъ опозореннымъ.

Такъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, подобное кровомщеніе велось между двумя родственными домами князей Дадишкилиани.

Жили они въ домахъ, укрѣпленныхъ на подобіе средневѣковыхъ замковъ, среди народа, находившагося въ совершенно дикомъ состояніи, не имѣвшаго понятія, за исключеніемъ набѣговъ и разбоевъ, о другихъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія. Приятное же препровожденіе времени составляли охоты, джигитовки да нѣкоторыя игры, гдѣ выказанная ловкость или сила цѣнились превыше всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, и которыя нерѣдко оканчивались ссорой и пораненіемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы по природѣ они были злы и жестоки: напротивъ того, нрава они мягкаго и чувствительны къ ласковому обращенію съ ними. Но кровомщеніе исполнялось у нихъ, какъ законъ, и князья Дадишкилиани послѣ каждаго убійства, совершавшагося въ одномъ изъ семействъ ихъ, отплачивали тѣмъ же. Обиженная сторона вооружалась, осаждала жилище враговъ своихъ и не отступала, пока сила или хитрость не рѣшала побѣды, т. е. пока имъ не удавалось убить одного изъ членовъ враждебнаго дома.

Въ одномъ изъ названныхъ двухъ семействъ два старшіе брата— Александръ и Константинъ Дадишкилиани, были воспитаны въ Россіи и считались въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку; но служба съ нихъ не спрашивалась: они проживали въ горахъ своихъ и спускались съ нихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ,—большею частью, когда того требовало начальство.

Раза два, для прекращенія распрей между враждующими домами, сванетскими Monteci и Capuletti, были посылаемы къ нимъ небольшія команды русскихъ войскъ, но мѣра эта не принесла ожидаемой пользы; нападенія повторялись, и тогда князь Гагаринъ рѣшился вызвать къ себѣ князей Александра и Константина.

Получивъ приказаніе генераль-губернатора, оба брата тотчасъ же собрались въ путь налегкѣ, не взявъ съ собою ни вещей, ни денегъ, ибо рассчитывали скоро вернуться домой, и прискакали въ Кутаисъ, гдѣ узнали совершенно неожиданно, что они арестуются, и что возвращеніе въ Сванетію имъ запрещается. Ихъ, однако, оставили на свободѣ, но потребовали, чтобы они вызвали съ горъ младшихъ братьевъ своихъ—Тенгиза, Ислама и Ціоха, на что они не согласились, говоря, что братья ихъ—дикари, что двое изъ нихъ очень молоды, что они никогда никуда не выѣзжали и ни за что не согласятся спуститься съ горъ, тѣмъ болѣе, если узнаютъ объ ихъ арестованіи.

Нѣсколько дней спустя, по распоряженію князя Барятинскаго, бывшаго тогда намѣстникомъ, князь Александръ былъ отосланъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Сибирь, на Амурь. Графъ Муравьевъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и, въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ служенія его при немъ, былъ имъ очень доволенъ и повѣшалъ въ чинахъ.

Съ мужемъ моимъ князь Александръ былъ въ перепискѣ. Онъ много интереснаго передавалъ ему о Сибири и о Японіи, куда ѣздилъ съ графомъ Муравьевымъ.

Судьба князя Константина разыгралась иначе. Его приказано было задержать въ Кутаисѣ, куда, на несчастье его, былъ присланъ для наблюденія за нимъ и помѣщенъ въ одной съ нимъ квартирѣ полковникъ В—ей, человекъ весьма болѣзненный и желчный. Въ бесѣдахъ съ княземъ онъ не только не щадилъ его самолюбія, но старался умять и унижать санъ его и значеніе въ подвластномъ ему народѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе его въ обществѣ русскихъ, не воображая, вѣроятно, какъ глубоко уязвлялъ этимъ и безъ надобности раздражалъ порученнаго ему гордаго князя. Подобнымъ обращеніемъ полковникъ В—ей довелъ его до изступленія, такъ что, чувствуя уже сильнѣйшую ненависть къ нему, князь Константинъ отправился однажды предупредить князя Гагарина, что онъ не въ силахъ долѣе переносить такіа оскорбленія. Не заставъ его дома, онъ выяснилъ положеніе свое супругѣ его, прося ее передать князю все сказанное имъ, и прибавилъ: «Не забывайте, что во мнѣ течетъ кровь горца, и что, если пытка моя продлится еще нѣсколько дней, я не отвѣчаю, чѣмъ это кончится».

Мы хорошо знали князя Константина и легко могли представить себѣ, что происходило въ его душѣ, какое озлобленіе онъ долженъ былъ получить противъ ментора своего. Красивый собой, огромнаго роста, полный силы и энергіи, князь Дадишкилиани нимало, однако, не походилъ на юнаго Телемаха и, хотя ему было не болѣе 35-ти лѣтъ, онъ былъ мужемъ и отцомъ ~~восьмерыхъ~~ дѣтей. Носилъ онъ всегда черкеску безъ галуновъ, что доказывало высокое происхожденіе, на кудрявыхъ волосахъ папанаку и на ногахъ чувяки, придававшіе походкѣ его какую-то особую мягкость и эlegantность, а на поясѣ кинжалъ, неизбѣжную принадлежность всѣхъ горцевъ.

Не разъ, я думаю, въ пылу горячности, при выслушиваніи оскорбительныхъ рѣчей полковника В—ей, рука его бессознательно опускалась на рукоятъ кинжала, а въ головѣ пролетала мысль о возможности однимъ взмахомъ этого оружія освободиться отъ своего притѣснителя.

Покойный мужъ мой зналъ по опыту, что этотъ самый, какъ казалось, необузданный человекъ, въ минуты сильнѣйшаго раздраженія, при изъявленіи дружескаго участія или отъ уговоровъ, выраженныхъ ласково, тотчасъ же смирялся, какъ дитя, а на глазахъ его наворачивались слезы благодарности за доброе отношеніе къ нему. Таковъ былъ злополучный убійца трехъ своихъ невинныхъ жертвъ.

Между тѣмъ, прошла недѣля, другая и третья, и князь Гагаринъ въ ожиданіи скорого и окончательнаго рѣшенія судьбы князя Константина не принималъ никакихъ мѣръ для облегченія его тяжкаго положенія. Но какъ всякому, такъ и этому дѣлу насталь конецъ: получено было распоряженіе о ссылкѣ князя Дадишкиліани на жительство въ Эривань, что слѣдовало немедленно сообщить ему. Приближенные генераль-губернатора, знавшіе, въ какомъ озлобленномъ настроеніи находился тогда горскій князь, и предчувствуя что-то недоброе, совѣтовали князю Гагарину не объявлять ему о приговорѣ самолично, а поручить это кому нибудь другому, но князь не послушалъ предложеннаго ему совѣта.

Это происходило въ воскресенье. Князь Константинъ былъ у обѣдни, и за нимъ послали въ церковь.

Не догадываясь, зачѣмъ его требуютъ, онъ отвѣчалъ, что обѣдня скоро кончится, и тогда онъ придетъ.

Князь Гагаринъ, весьма добрый и мягкій человекъ, но въ эту минуту, вѣроятно, взволнованный тяжелою обязанностью сообщить близкому знакомому своему неприятную вѣсть, остался недоволенъ отвѣтомъ князя Константина и, когда тотъ пришелъ, принялъ его сухо, объявивъ ему довольно сурово, безъ всякихъ предосторожностей, что онъ ссылается въ Эривань.

— Ссылаюсь!... За какое же преступленіе наказываютъ меня?— спросилъ князь Дадишкиліани.— Я, кажется, не измѣнникъ,— прибавилъ онъ.

Не знаю, что отвѣчалъ ему на это генераль-губернаторъ, но послѣдняя фраза его была слѣдующая: «Перекладная готова, жандармы тоже—садитесь и поѣзжайте».

— Позвольте мнѣ, князь, съѣздить въ Сванетію, проститься съ женой, дѣтьми и взять денегъ; я здѣсь безъ всего.

— Этого дозволить я не могу.

— Во второй разъ прошу васъ объ этомъ, князь; я тотчасъ же возвращаюсь.

— Нельзя, не могу.

— Прошу васъ о томъ въ третій разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... уѣзжайте.

Тутъ князь Константинъ, взбѣшенный отказомъ, не помня уже себя, въ тупомъ отчаяніи, съ глазами, налитыми кровью, выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его князю Гагарину въ животъ.

Несчастный князь, смертельно раненый, не упалъ, онъ имѣлъ даже довольно силы, чтобы, зажавъ рану рукой, повернуться и сдѣлать нѣсколько шаговъ изъ кабинета къ дверямъ спальни; но князь Дадишкиліани, видя, что жертва его еще на ногахъ, хотѣлъ нанести ему вторичный ударъ. Въ эту минуту Ильинъ, стоявшій позади, схватилъ его за плечи.

Почувствовавъ, что его держать, обезумѣвшій убійца рванулса

и, однимъ размахомъ кинжала снявъ противнику своему часть черепа, выбѣжалъ въ другую комнату; здѣсь бросился на него переводчикъ, но и этого онъ положилъ на мѣстѣ. Очнувшись немного, когда онъ находился уже на чистомъ воздухѣ, князь Дадшкхиліани, видя, что его преслѣдуютъ, вбѣжалъ въ первый попавшійся домъ и заперся тамъ въ одной комнатѣ; но вскорѣ, раненый черезъ окно, изъ котораго самъ сдѣлалъ, въ защиту свою, нѣсколько выстрѣловъ, — онъ былъ взятъ призванной командой солдатъ, связанъ и отведенъ на гауптвахту. Недѣли черезъ двѣ, осужденный полевымъ судомъ, онъ былъ разстрѣлянъ.

Жаль, что послѣ совершенныхъ имъ убійствъ онъ не вздумалъ тотчасъ же самовольно отдаться въ руки правосудія.

Прибавлю здѣсь, что, имѣя дозволеніе избрать себѣ защитника на судѣ, онъ изъявилъ желаніе, чтобъ адвокатомъ его былъ Коллюбакинъ; но когда ему сказали, что Николай Петровичъ занятъ и не можетъ пріѣхать изъ Мингреліи, онъ отвѣчалъ: «Если такъ, то назначайте сами, кого хотите: я выбралъ Коллюбакина потому, что онъ человѣкъ съ душой». Такъ кончилась эта печальная исторія.

Только девять мѣсяцевъ прожили мы въ Квашихорахъ, но они показались мнѣ девятью годами; зима тянулась безконечно, и я съ нетерпѣніемъ ожидала весны. Наконецъ, наступилъ желанный апрѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла перемѣна въ нашей жизни: судьба перенесла насъ къ Арарату. Николай Петровичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Эривань, а мѣсто его въ Мингреліи занялъ братъ его Михаилъ Петровичъ.

Напрасно порадовалась я избавленію отъ Квашихоръ; какъ ни было неудобно это мѣсто, мы промѣняли его, надо признаться, на худшее, относительно климата. Здѣсь мы страдали отъ сырости, а тамъ пришлось мучиться отъ сухого, душнаго, зловоннаго воздуха да, сверхъ того, отъ вредной воды; но, такъ какъ выборъ зависѣлъ не отъ насъ, оставалось одно — покориться судьбѣ. Поэтому мужъ мой, оправившійся отъ болѣзни, дождавшись брата и передавъ ему всѣ дѣла по управленію Мингреліею, отправился въ Эривань, а я, по просьбѣ Михаила Петровича, осталась у него около двухъ мѣсяцевъ.

Потомъ, съѣздивъ въ Петербургъ по семейнымъ дѣламъ, я пришла въ Эривань только въ концѣ сентября и застала мужа больнымъ и въ сильнѣйшемъ нервномъ раздраженіи.

Странно сказать и трудно, я думаю, повѣрить, чтобы раздражительность и нетерпѣніе у взрослога человѣка, какъ у капризнаго ребенка, который, ничего не слушая, кричитъ, чтобъ ему достали луну съ неба, — происходили отъ совершеннаго непониманія практической жизни. Но такъ было съ Коллюбакинымъ. Онъ, напримѣръ, сердился и не хотѣлъ вѣрить, чтобы бульонъ, заказанный изъ живой еще курицы въ десять часовъ, не могъ быть

поданъ ему въ четверть одиннадцатаго, а подобныя причины къ раздраженію случались весьма часто, особенно въ мое отсутствіе. Ему вообще казалось, что всякое предпріятіе его или желаніе могло быть осуществляемо съ неестественной быстротой.

Полагая, что не всѣмъ извѣстенъ путь въ страну нашу, при-
мыкающую въ Персію, позволю себѣ описать путешествіе мое въ Эривань.

Пріѣхавъ изъ Петербурга въ Тифлисъ и узнавъ, что тамъ временно находится милая знакомая моя княгиня Чавчавадзе, которую я не могла еще видѣть послѣ освобожденія ея изъ плѣна у Шамиля, я тотчасъ отправилась отыскивать ее въ гостиницахъ и по дорогѣ встрѣтилась съ знакомымъ, подошедшимъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «А бѣдный нашъ князь Дмитрій Шервашидзе!»... — «Что съ нимъ, говорите скорѣй, я ничего не знаю!» — «Какъ? неужели вы не слышали, что онъ умеръ почти внезапно, то-есть въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и въ страшныхъ мученіяхъ?».

Ужасно поразила меня смерть его. Ему не было еще сорока лѣтъ, и онъ былъ полонъ силы и здоровъ.

Въ грустномъ настроеніи отправилась я въ Эривань. Я ѣхала одна съ горничной и съ лакеемъ, и хотя путь этотъ былъ мнѣ совершенно не знакомъ, я даже не подумала о могущихъ встрѣтиться опасностяхъ; впрочемъ, по правдѣ сказать, не было слышно, чтобы тамъ случались тогда убійства или грабежи.

Дорога шла по безконечной степи, утомительной однообразіемъ своимъ. Жара была страшная, и въ закрытомъ экипажѣ было нестерпимо душно; аппетита ни малѣйшаго, что было весьма кстати, потому что на станціяхъ ничего нельзя было бы достать. На слѣдующій день, къ вечеру, я увидѣла съ радостью, что по сторонамъ стали появляться горы, которыя, увеличиваясь постепенно и сдвигаясь, образовали наконецъ прелестное Делижанское ущелье, въ глубинѣ котораго быстрая рѣка, перебрасывая воды свои съ камня на камень, рассыпала ихъ въ жемчужныя капельки.

Незамѣтно взобрались мы на высоту въ 7.000 футъ надъ поверхностью моря — говорю незамѣтно, потому, что высота подъёмовъ измѣряется путешественниками только наглядно — страшными пропастями, надъ которыми пролегаетъ почтовая дорога; здѣсь же пропасти такъ хорошо скрыты подъ густою, сплошною, не тронутою человѣческой рукой растительностью, что ихъ нельзя было замѣтить; только бѣдныя лошади чувствовали, на какую высь поднимаются, изо всѣхъ силъ натягивая постромки. На Военно-Грузинской и Потійской дорогахъ совсѣмъ не то: тамъ вершины горъ состоятъ большею частью изъ скалъ, на скатахъ же горъ, покрытыхъ лѣсами, такъ много полянъ, луговъ и зеленѣющихъ или желтѣющихъ подъ посѣвами полей, что тотчасъ видно, на какую поднимаешься высоту. При слѣдованіи по возвышенности

Малаго Кавказа и при постепенномъ спускѣ вдругъ на одномъ поворотѣ дороги неожиданно открывается огромное, чудное Гогчинское озеро.

Къ сожалѣнію, оно находится среди безцвѣтныхъ, голыхъ скалъ, въ мѣстности, не только непривѣтливой, но очень печальной. Мнѣ говорили, что озеро это образовалось вслѣдствіе провалившейся на томъ мѣстѣ земли. Не знаю, на сколько вѣрно это преданіе, но такъ какъ почва въ этой странѣ вулканическая, и въ Арменіи, какъ извѣстно, бывали частыя и страшныя землетрясенія, то такая вещь легко могла случиться.

Прелестный бирзовый цвѣтъ Гогчинскаго озера напоминалъ мнѣ другое, подобное ему, открытое въ Пятигорскѣ, въ нѣдрахъ горы Машука. На склонѣ этой горы было круглое, аршина въ три величиной, отверстіе, изъ котораго постоянно выходилъ запахъ сѣры. Мѣсто это было цѣлью прогулокъ многихъ посѣтителей пятигорскихъ минеральныхъ водъ, между которыми въ 1831 году находилась и я.

Всѣ мы съ любопытствомъ осматривали провалъ, всѣ бросали въ него камни, чтобы, хотя приблизительно, разсчитать его глубину, и всѣ уходили отъ загадочнаго провала, не узнавъ ничего. Однако, не навсегда осталась неузнанною тайна его. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось быть опять въ Пятигорскѣ на нѣсколько дней; о загадочномъ провалѣ я бы и не вспомнила, если бы директоръ водъ, хорошій знакомый мой, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, не предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ посмотрѣть прорытый имъ подземный ходъ въ Машукѣ.

— Съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ваше, баронъ,— сказала я:—но тоннели нынѣ вѣдь не рѣдкость.

— Мой тоннель не такой, какъ другіе; онъ есть только входъ въ... но не скажу куда—сами увидите.

— Можетъ быть, входъ въ кабинетъ Плутона?

— Да, именно: вы угадали.

— О, если такъ, то поѣдемте скорѣй!

Баронъ посадилъ меня въ свой маленькій шарабанъ, самъ сѣлъ на козлы, собралъ возжи, и лошадка помчалась рысью, а черезъ четверть часа мы остановились передъ желѣзной дверью.

Всѣ знаютъ по опыту, что чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ сильнѣе дѣлается любопытство—такъ было и со мной, и когда мы подъѣхали къ входу тоннеля, я быстро выскочила изъ шарабана.

— Tenez-vous le diable sous clé, mon cher baron, ou bien il court le monde?

— Certainement qu'il court le monde et pourquoi ne le ferait il pas; il y est très bien reçu,—отвѣчалъ баронъ.

Но вотъ дверь отворилась; мы уже въ тоннелѣ, проходимъ его,

прошли... и что я увидѣла!.. Въ самомъ дѣлѣ это былъ кабинетъ бога подземнаго міра.

Представьте себѣ великолѣпный, огромный гротъ, раздѣленный самой природой на двѣ неравныя части, изъ коихъ меньшая, состоящая изъ полукруга суши, была убрана диванчиками, столиками и стульями, а большую часть грота занимало озеро чуднаго лазореваго цвѣта, съ нависшими надъ нимъ разнообразной формы скалами и сталактитами, подъ которыми исчезала, вѣроятно, большая половина озера. Освѣщался гротъ сверху, чрезъ загадочное отверстіе провала.

Проѣхавъ Гогчу, я съ удовольствіемъ замѣтила, что природа измѣнилась: опять лѣса и зелень. А вотъ—въ пятидесяти верстахъ отъ Эривани, на значительной еще возвышенности и вблизи почтовой дороги, лежитъ урочище Дарачичагъ, лѣтняя кочевка, гдѣ спасаются отъ чисто адскихъ лѣтнихъ жаровъ и зловредной городской духоты начальникъ губерніи, чиновники и вообще всѣ, кто имѣетъ средства для перекочевки, за исключеніемъ людей торгующихъ— эти несчастные прячутся въ дорбазахъ, т. е. подвалахъ, куда никогда не проникаютъ солнечные лучи, и гдѣ земляные или каменные полы спрыскиваются водою каждыя десять минутъ.

Дарачичагъ—что значить долина цвѣтовъ—есть просто селеніе, состоящее изъ крестьянскихъ домовъ, расположенныхъ въ лѣсу, на скатѣ горы; такъ было, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ я говорю. При вѣздѣ въ него, первое, что бросается въ глаза, это—большая круглая башня, очень древняя, а выше ея развалины армянскаго монастыря и, что не совсѣмъ пріятно,—старое кладбище съ множествомъ разбросанныхъ и разбитыхъ памятниковъ. Но за то тутъ прохладно, легко дышится, и главное—есть чистая, здоровая вода.

Мужъ мой провелъ все лѣто въ Дарачичагѣ; но, не смотря на всѣ благопріятныя условія кочевки, я нашла его больнымъ и уже на зимней квартирѣ.

Никогда еще и нигдѣ не случалось мнѣ видѣть города, подобнаго Эривани. Представьте себѣ обширную, голую площадь и на ней одноэтажное строеніе, похожее внѣшнимъ видомъ своимъ на казарму: это помѣщеніе начальника губерніи; затѣмъ, за исключеніемъ упомянутаго зданія и еще нѣсколькихъ казенныхъ домовъ, всѣ остальные скрывались за высокими глиняными, сѣраго цвѣта высокими стѣнами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ. Правда, что изъ-за этихъ стѣнъ высывались деревья; но вѣдь для оживленія города надо видѣть дома съ ихъ жителями, надо видѣть въ окнахъ смѣющіяся дѣтскія личики.

По лѣвую сторону губернаторскаго дома разстился большой лугъ, засѣянный іонжой, а вдоль окраины его тянулась аллея, ведущая къ персидскому, зеркальному дворцу, сохраняющемуся, какъ па-

мятникъ владычества персіянь въ Арменіи. Немудрено представить себѣ, какой унылый видъ имѣеть такой городъ, но, повторяю, такимъ онъ былъ въ наше время; съ тѣхъ поръ, слѣдуя общему закону прогресса, онъ могъ уллучшиться, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма мало.

Для удобства, а главное въ виду здоровья жителей, Коллюбакинъ устроилъ на площади фонтанъ, проведя въ него воду издалека; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время онъ, говорятъ, испорченъ и загрязненъ. А для своего удовольствія, какъ любитель цвѣтовъ, Николай Петровичъ построилъ въ квартирѣ своей оранжерею, родъ маленькаго зимняго садика, соединивъ ее съ весьма красивой зеркальной комнатою въ персидскомъ вкусѣ, которую опишу для тѣхъ, кому не случалось бывать на востокѣ. Въ трехъ стѣнахъ этой комнаты было по четыре довольно большихъ ниши, составленныхъ изъ зеркальныхъ кусковъ. Передняя часть комнаты выдавалась наравнѣ съ оранжереей, и стѣна этого выступа состояла изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, представлявшихъ различныя арабески; она раздѣлялась на четыре части, или рамы, которыя могли задвигаться въ обѣ стороны такимъ образомъ, что оставалась пустота во всю ширину и вышину комнаты. Убранство нашего восточнаго покоя составляли низкія тахты, покрытыя коврами, табуреты и, понятно, ковры на полу. Противъ оранжереи была большая и очень широкая тахта, на которой можно было растянуться во весь ростъ, а подлѣ нея, на полу, лежала синяя вышитая подушка, гдѣ покоилась рыжая собака хозяина дома.

Вечеромъ, когда спадаль жаръ, передняя стѣна задвигалась или, вѣрнѣе, въ одинъ моментъ исчезала, и передъ глазами открывался очаровательный видъ на снѣжный Араратъ, облитый лучами заходящаго солнца. Араратъ собственно не одинъ, онъ образуетъ двѣ горы—большой Араратъ и малый; большой выше, массивнѣе и неправильной формы; малый несравненно изящнѣе: онъ имѣеть видъ граціозно раскинутой остроконечной палатки. Снѣжный покровъ Арарата нѣсколько разъ въ день мѣняетъ свой цвѣтъ: то онъ серебристо-голубоватый, то прозрачно розовый или свѣтло-фіолетовый, то золотистый. Ежедневно любовались мы съ одинаковымъ восторгомъ красотой его — Николай Петровичъ въ любимомъ положеніи своемъ, лежа на большой тахтѣ противъ оранжереи, наполненной лимонными деревьями и разными цвѣтами, а я сидя съ работою, такъ какъ не въ моей натурѣ восточная нѣга.

Въ зеркальной комнатѣ мы проводили обыкновенно послѣобѣденные и вечерніе часы въ разговорахъ, а чаще всего въ чтеніи журналовъ и другихъ книгъ.

Климатъ въ Эривани престранный: жары начинаются съ апрѣля, а въ іюнѣ доходятъ отъ 40 до 50° по Реомюру, зимою же бываютъ морозы отъ 15 до 20°. Растительность хоть и порядочная, но ея

мало занимаются; зелень въ городѣ есть, а цвѣтовъ я не видала, и для глазъ ничего, кромѣ вида на Араратъ, правда, прелестнаго. За то есть большое разнообразіе въ ядовитыхъ насѣкомыхъ: тамъ множество скорпіоновъ, фалангъ, тарантуловъ, мѣшающихъ спокойствію жизни, а главный бичъ жителей этой страны—москиты: эти микроскопическія насѣкомыя могутъ довести до отчаянія, такъ какъ отъ нихъ не избавляютъ ни затворенныя окна, ни кисейныя занавѣси.

Трудно уроженцу съвера привыкнуть къ жарамъ южныхъ странъ, а къ такому угнетающему воздуху, какой въ Эривани, просто невозможно. Лѣтомъ земля накаляется, какъ плита въ очагѣ, а надъ городомъ стоитъ сухая, палящая атмосфера; тогда на площади и въ улицахъ, до захожденія солнца, не видно ни души, и пустой городъ кажется заброшеннымъ, проклятымъ мѣстомъ.

IV.

Отправленіе Коллюбакина посланникомъ въ Персію.—Персидскій докторъ.—Гробница Нои.—Повѣдка въ Нахичевань.—Пріемъ нахичеванскихъ хановъ.—Гаремъ.—Беседа съ ханскими женами.—Эчмиадзинъ.—Назначеніе Коллюбакина кутаискимъ генераль-губернаторомъ.—Похороны князя Дадикикліани.—Назначеніе Коллюбакина сенаторомъ.—Прощальный обѣдъ Коллюбакину.—Жизнь въ Москвѣ.—Болезнь и кончина Коллюбакина.

Въ концѣ іюля 1859 г. Коллюбакинъ былъ отправленъ въ Тавризъ посланникомъ къ его величеству шаху. Какъ истому русскому, какимъ былъ Николай Петровичъ, ему захотѣлось пощеголять предъ азіатскимъ народомъ хоть какимъ нибудь русскимъ обрядомъ. Стали придумывать разные вещи, да все какъ-то не слаживалось.

— Покажу-ка я персамъ, какъ ѣздить у насъ въ Россіи,—сказалъ Николай Петровичъ и, долго не думая, заказалъ для своей коляски настоящую національную упряжь съ красными вожжами и бубенчиками на шесть лошадей цугомъ, потому что приходилось ѣхать по узкимъ и тяжелымъ дорогамъ; а кучеровъ и фореиторовъ одѣлъ поямщицки, въ синіе кафтаны, такіе же шаровары, красныя рубахи, того же цвѣта кушаки и синія шапки, молодецки заломленные за ухо.

16-го августа онъ переправился за Араксъ, въ знакомомъ ему мѣстечкѣ Джульфы, знакомомъ потому, что еще въ молодыхъ лѣтахъ два раза былъ посылаемъ туда по порученіямъ служебнымъ. Въ отсутствіи онъ былъ всего мѣсяць и возвратился домой, украшенный орденомъ Льва и Солнца 1-ой степени. Часть слѣдующей зимы прошла тягостно для всѣхъ, такъ какъ болѣзнь Николая

Петровича усилилась и до крайности раздражила его нервы. Никто не мог угодить ему, ни одинъ врачъ не удовлетворялъ его. Тутъ, какимъ-то образомъ, въ Эривани появился персидскій докторъ; Коллюбакинъ послалъ за нимъ и довѣрился ему. Признаюсь, что, съ своей стороны, я нисколько не довѣряла искусству персидскаго эскулапа; однако черезъ три или четыре недѣли послѣ строгаго лѣченія больному сдѣлалось несравненно лучше, и вскорѣ онъ былъ почти совсѣмъ здоровъ.

Такъ какъ по нѣкоторымъ служебнымъ обстоятельствамъ Николаю Петровичу необходимо было побывать въ Нахичевани, то для путешествія этого онъ избралъ зимнее время, какъ самое удобное, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, на что я согласилась очень охотно, тѣмъ болѣе, что нахичеванскіе ханы — Измаиль и Колбалай, родные братья, оба воспитанные въ Россіи, неоднократно приглашали меня посѣтить ихъ замокъ. Мы отправились туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при губернаторѣ, и нарочно очень рано, чтобы къ ночи добраться до мѣста назначенія.

Погода была ясная, термометръ показывалъ 22° морозу, и мы, конечно, одѣлись, какъ одѣваются въ это время въ Петербургѣ. Мы ѣхали по гладкой, ровной дорогѣ, покрытой снѣгомъ, хотя легкимъ слоемъ, но все же снѣгомъ; вся долина сіяла на солнцѣ, какъ огромная пелена, усѣянная брилліантами, или, говоря по-просту, какъ поле руссійское, искрящееся въ солнечный день при трескучемъ морозѣ. Ну, какъ тутъ было не забыть, что мы на югѣ, и не вспомнить сѣверной родины нашей.

При въѣздѣ въ городъ, намъ указали на гробницу благочестиваго прародителя нашего Ноя. Никакъ не ожидали мы увидѣть надъ прахомъ возстановителя земнаго населенія памятникъ, сложенный изъ простыхъ, неотесанныхъ плитъ, частью уже развалившихся. «Ахъ, Боже мой! какой скромный памятникъ соорудили тебѣ люди, избранникъ Божій», — подумала я и взглянула на Ара-ратъ, этотъ неразрушимый другой памятникъ Ноя.

Только въ 12 часовъ ночи остановились мы передъ оградой персидскаго замка, расположеннаго на берегу Аракса, гдѣ оба хана встрѣтили насъ и провели въ домъ свой чрезъ огромныя ворота. Отсюда общій видъ замка представляетъ букву П; весь средній большой корпусъ зданія, находящійся въ глубинѣ двора, занимаютъ парадныя комнаты; направо, въ болѣе низкомъ строеніи — гаремъ, а налѣво, противъ него — бани и что-то похожее на небольшой садикъ, видно не заслуживающій вниманія, такъ какъ намъ его не показывали. Пройдя длинный дворъ, середину котораго занималъ большой продолговатый резервуаръ воды, обнесенный низкой каменной оградой, съ множествомъ вдѣланныхъ въ ней металлическихъ колецъ, къ коимъ привязаны были серебряными цѣпочками

соколы, употребляемые на охотѣ и нарочно для этого обученные, мы вошли на главное крыльцо. Въ первой комнатѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ мало освѣщенной, меня ожидали обѣ ханши въ богатыхъ парчевыхъ національныхъ костюмахъ и, къ удивленію нашему, съ открытыми лицами. Но тутъ мы видѣлись весьма недолго, не болѣе десяти минутъ, потому что послѣ нѣсколькихъ, въ восточномъ вкусѣ, очень любезныхъ привѣтствій съ ихъ стороны и, къ стыду моему, весьма обыкновенныхъ съ моей, онѣ откланились и удалились въ гаремъ, а мы были приглашены въ гостиную, настоящую персидскую комнату, безъ всякой примѣси европейскихъ украшеній. Здѣсь все дышало востокомъ, зеркальныя ниши были уставлены богатыми золотыми и серебряными кувшинами и чашами необыкновенной формы, кальянами и другими рѣдкостями, и завѣшены голубымъ газомъ, вышитымъ серебромъ; полъ былъ покрытъ огромнымъ, превосходнымъ ковромъ, а низенькія тахты дорогими тонкими турецкими шалами, на нихъ лежали шелковыя мутаки, шитыя золотомъ и разноцвѣтными шелками, а около тахтъ и оконъ стояли табуреты съ рѣзными украшениями. Все это освѣщалось въ настоящей вечерней часъ цвѣтнымъ висячимъ фонаремъ; днемъ же свѣтъ проходилъ сквозь разноцвѣтныя оконныя стекла и разливалъ въ комнатѣ такой пріятный полусвѣтъ, въ которомъ зрѣніе отдыхало отъ слишкомъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Комната эта восхищала Николая Петровича своимъ изяществомъ. «Тутъ не достаетъ только цвѣтовъ»,— говорилъ онъ.— «И красной одалиски»,—думали, вѣроятно, молодые люди.

Едва успѣли мы расположиться на чрезвычайно мягкихъ тахтахъ, какъ, по обычаю востока, человѣкъ внесъ большой серебряный подносъ съ различными сладостями; подойдя ко мнѣ, онъ сталъ на одно колѣно, держа передо мной подносъ, и что-то проговорилъ. «Что сказалъ онъ?»—спросила я Колбалай-хана.—«Онъ сказалъ— мои глаза на твоихъ подошвахъ». Фраза эта, вѣроятно, значила, что онъ будетъ слѣдить за каждымъ шагомъ моимъ, чтобы предупредить мои желанія. Другой человѣкъ принесъ чай, а затѣмъ насъ пригласили ужинать. Столъ былъ сервированъ поевропейски, о чемъ я пожалѣла; но блюда были азіатскія: подали пловъ, кабабъ и шашлыки, а послѣ ужина намъ принесли кальяны.

Я много слышала о пріятности такого способа куренія, и мнѣ захотѣлось испытать его. Сначала, отъ неумѣнья обращаться съ кальяномъ, этотъ родъ куренія показался мнѣ чрезвычайно утомительнымъ; но послѣ нѣсколькихъ уроковъ, данныхъ мнѣ самимъ хозяиномъ, я, что называется, вошла во вкусъ и, пока мы находились въ Нахичевани, продолжала курить каждое послѣ-обѣда. Для кальяна необходимо имѣть особенный табакъ, если не ошибаюсь — Ширахскій, котораго въ Россію, кажется, не привозятъ. Еще понравилось мнѣ у персіянъ то, что слуги ихъ ходятъ по

комнатамъ въ шерстяныхъ короткихъ чулкахъ, поэтому шаговъ ихъ не слышно; сверхъ того, они чрезвычайно услужливы, учтивы, строго исполняютъ волю господина по одному взгляду его и при всемъ этомъ держатъ себя съ удивительнымъ достоинствомъ, рабства нисколько не замѣтно въ нихъ. Все это весьма пріятно поражаетъ европейца, не привыкшаго къ такому спокойствію и тишинѣ. Въ цѣлый мѣсяцъ, проведенный въ Нахичевани, я не слышала не только криковъ господъ на людей, но даже ни одного упрека; не было ссоръ и между прислугой, и намъ не случилось видѣть ни одного пьянаго челоуѣка.

Мнѣ было чрезвычайно любопытно заглянуть въ гаремъ, да и надо же было сдѣлать визитъ любезнымъ хозяйкамъ; поэтому на слѣдующій день я спросила на то разрѣшенія у хановъ; они не только не воспротивились желанію моему, но Калбалай-ханъ самъ вызвался проводить меня къ ханшамъ и быть моимъ переводчикомъ.

При входѣ въ гаремъ, гдѣ я ожидала увидѣть вездѣ бархатъ, золото и дорогіе каменья, я была поражена простотой женскаго помѣщенія: комнаты низкія, окна небольшія изъ бѣлыхъ стеколъ, но, разумѣется, завѣшенные; на полу неизбѣжныя ковры, а около стѣнъ узкія тахты, накрытыя персидскою матеріею, и больше ничего. Въ слѣдующей комнатѣ, точно также убранной, я застала трехъ женщинъ, сидѣвшихъ на полу, но на подушкахъ предъ какимъ-то, какъ мнѣ показалось, большимъ низкимъ столомъ, накрытымъ ватнымъ шелковымъ одѣяломъ. Я была увѣрена, что онѣ занимались стеганьемъ этого одѣяла; но оказалось, что это былъ огромный мангалъ, т.-е. желѣзный ящикъ съ горящимъ углемъ на днѣ его и, если не ошибаюсь, опущенный въ землю на столько, чтобы накрывавшее его одѣяло не могло загорѣться. Около этого мангала жены и дѣти хановъ грѣются всю зиму; здѣсь ханши работаютъ, ѣдятъ и принимаютъ гостей, что, впрочемъ, случается не особенно часто; онѣ, бѣдныя, не избалованы удовольствіями, и жизнь ихъ вообще такъ однообразна и печальна, что лучшее и почти единственное развлеченіе ихъ составляютъ бани, куда онѣ ходятъ ежедневно и гдѣ остаются по нѣскольکو часовъ. Я знала, что ни Измаиль-ханъ, ни братъ его не придерживались многоженства, и потому третью женщину приняла за гостью, но это была ихъ племянница. Когда мы вошли, эта молодая и хорошенькая дѣвушка встала, чтобъ уступить мнѣ мѣсто подлѣ хозяйки; но ханши съ трудомъ подвигались съ подушекъ своихъ, и мы сѣли на тахту, а молодая племянница ихъ осталась подлѣ мангала и, продолжая работать, не говорила ни слова.

Хотя Калбалай-ханъ самъ переводилъ разговоръ мой съ ханшами, это, однако, не помѣшало имъ обѣимъ жаловаться на ихъ затворническую и невыносимо скучную жизнь.

— Мы живемъ, какъ въ тюрьмѣ,—говорила, между прочимъ, жена Калбалай-хана: — насъ кормятъ, одѣваютъ и думаютъ, что этого для насъ достаточно; но они ошибаются: мы хотимъ быть, какъ всѣ другія, какъ женщины свободныя, которыхъ учатъ всему, что онѣ должны знать—учатъ играть, пѣть, танцовать.

— Да,—подхватила другая ханша,—сами мужья наши учились у государя и теперь служатъ; у нихъ много знакомыхъ и не только мужчинъ, но и женщинъ: они ѣздятъ къ нимъ, и онѣ имъ нравятся, а мы вѣчно сидимъ дома, ничего не видимъ, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ: такъ не мудро, что ханамъ не о чемъ разговаривать съ нами.

— Вы ошибаетесь,—отвѣчала я ханшѣ,—вашимъ мужьямъ не нравятся такія женщины, какъ наши, и если бы...

— Нравятся, нравятся!—воскликнула ханша Калбалая.—О! русскія женщины счастливыя,—прибавила она:—онѣ умѣютъ читать, писать, онѣ знаютъ все, что дѣлается на свѣтѣ... имъ даютъ много денегъ, и онѣ могутъ хорошо одѣваться, лица ихъ открыты; мужчины смотрятъ на нихъ, говорятъ съ ними, а насъ прячутъ отъ нихъ, и зачѣмъ? — вѣдь русскіе мужчины такіе же, какъ наши, только умнѣе.

Калбалай-ханъ разсмѣялся, переводя послѣднюю фразу, и я тоже.

— Попробуйте уговорить хановъ дать вамъ свободу,—сказала я,—и приѣзжайте къ намъ въ Эривань.

— Ахъ, какъ бы это было весело!—вскричали обѣ затворницы:—да вѣдь это невозможно, они никогда не выпустятъ насъ. Калбалай увѣряетъ, что мы не умѣемъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо,—сказала жена его.

— Мы не судили бы васъ такъ строго,—замѣтила я.—Право.

— Вы очень добры, а наши мужья насъ не жалѣютъ. О! я увѣрена, что ваши мужчины умѣютъ любить лучше, нежели наши,—прибавила она и, улыбаясь, взглянула на мужа.

Немного погодя, я простилась съ ханшами, и мы вышли изъ гарема.

— Скажите мнѣ откровенно, ханъ, неужели мусульмане такъ ревнивы, что изъ-за этого боятся дать свободу своимъ женщинамъ?—спросила я.

— Нисколько. Я съ радостью отворилъ бы всѣ двери замка женѣ моей, но это противно нашему закону, а измѣнить его нельзя; къ тому же наши жены не воспитаны для свѣта.

— Такъ образуйте, по крайней мѣрѣ, дочерей вашихъ.

— Постараюсь; да вотъ племянница моя воспитывалась въ тифлисскомъ институтѣ, между тѣмъ...

— Какъ! неужели?... слѣдовательно, она говоритъ порусски?

— Да, говорить.

— Ахъ, какъ я рада! Такъ позвольте ей приходите ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

При этомъ ханъ сообщилъ мнѣ, что племянница его невѣста, что она скоро выйдетъ замужъ за одного молодого хана.

— И, конечно, по варварскому обычаю вашему, ханъ, она не знаетъ и не видала жениха своего?

— Ошибаетесь; скажу вамъ по секрету, что она часто видится съ нимъ; но у насъ это дѣлается не такъ, какъ у васъ.

— А какъ же?

— У васъ невѣсты видятъ жениховъ своихъ днемъ, а у насъ — ночью.

— Не можетъ быть; вы шутите, ханъ.

— Право, нѣтъ. Хотите знать, какъ это дѣлается?

— Хочу, непременно хочу.

— Ну, вотъ видите: въ извѣстные дни молодому человѣку дозволяется приходите во дворъ ночью, тихонько, чтобы никто не зналъ этого; тогда невѣста, въ назначенный для свиданья часъ, выходитъ къ нему въ сопровожденіи старой няни, которая остается при нихъ, пока они бесѣдуютъ, гуляя по двору. Конечно, такіа свиданія остаются семейной тайной, — прибавилъ ханъ.

— Я очень, очень рада, что узнала это: вы не повѣрите, ханъ, какъ меня всегда мучила мысль, что столько молодыхъ дѣвушекъ отдають жизнь свою безъ любви, не зная того, кто похищаетъ ее изъ родной семьи.

Дѣла по Нахичеванскому уѣзду задержали Николая Петровича цѣлый мѣсяць въ домѣ хановъ; каждый день къ нему приходили люди съ просьбами и жалобами, которыя онъ разбиралъ во дворѣ замка. Въ это время я навѣщала иногда бѣдныхъ затворницъ, а чаще всего старый слуга гарема приводилъ ко мнѣ молодую родственницу ихъ, укутанную съ головы до ногъ густымъ покрываломъ, для предохраненія ея отъ нескромныхъ взглядовъ гуровъ. Онъ не воображалъ, рассчитывая, можетъ быть, на мою строгость, что нѣсколько минутъ спустя, молоденькая институтка, приподнявъ край занавѣси, будетъ смотрѣть на молодыхъ чиновниковъ-русскихъ, сообщать мнѣ свои замѣчанія о нихъ и признаваться, который ей больше нравился.

По вечерамъ ханы устраивали для развлеченія гостей бои барановъ или пѣтуховъ, на которыхъ присутствовала и я; описывать ихъ нахожу лишнимъ, такъ какъ всѣ уже имѣютъ понятіе о нихъ; скажу только, что такое препровожденіе времени женщины не могутъ называть удовольствіемъ.

По восточному обычаю нельзя отпустить гостей, не одаривъ ихъ, что ставить самихъ гостей въ очень неловкое положеніе, такъ какъ отказываться отъ подарковъ значитъ обидѣть хозяина; такимъ образомъ, Николай Петровичъ долженъ былъ принять поднесенный ему

прекрасный кальянъ, а я—голубую шелковую абу, вытканную на спиляхъ и на плечахъ золотомъ, да еще маленькій предестный коверъ. Пребываніе въ Нахичевани и сдѣланный намъ ханами въ высшей степени любезный пріемъ навсегда остались въ памяти нашей.

Мы поѣхали въ Нахичевань при сильномъ морозѣ, а когда вернулись оттуда, то было уже жарко. И вотъ опять мы дома, опять книги, газеты, письма, опять цвѣты и тотъ же видъ на Араратъ, та же прежняя жизнь.

Смотря на Большой Араратъ, какъ-то трудно представить себѣ, чтобъ этотъ ледяной, безмолвный великанъ могъ внезапно заревѣть, затрястися и, развернувъ пасть, выбросить изъ себя водяные пары, газы, а потомъ огромные камни. Между тѣмъ, такое ужасное изверженіе было въ 1840 году, слѣдовательно, за семнадцать лѣтъ до прибытія нашего въ Эривань. Оно совершенно уничтожило расположенное на скатѣ горы большое селеніе Ахури, имѣвшее не менѣе двухъ тысячъ жителей, а также древній монастырь св. Іакова, основанный въ X вѣкѣ. Все это было разрушено и завалено камнями. Нельзя, кажется, представить себѣ ужаса, объявшаго жителей Ахури, когда началось землетрясеніе, и на Араратѣ показалось пламя; вѣдь это уже была смерть, но смерть еще живая. Преданіе говорить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло это селеніе, Ной, спустившись съ Арарата, посадилъ первую виноградную лозу.

Въ томъ же самомъ году, весною, я ѣздила съ Колюбакинымъ осматривать Эчмиадзинскій монастырь, мѣстопробываніе армянскаго патріарха, или, какъ его называютъ еще, католикоса,—основанный, какъ полагаютъ, въ VI столѣтіи, однимъ изъ армянскихъ царей. Онъ стоитъ, точно крѣпость, за двумя высокими стѣнами съ множествомъ башенъ; не достаетъ только пушекъ, которыя прежде были бы, вѣроятно, не лишними. Къ этому монастырю принадлежатъ еще четыре особые храма, расположенные вокругъ него, вѣдь стѣнъ и въ довольно значительномъ разстояніи отъ него. Въ главномъ храмѣ намъ показывали мѣсто, гдѣ Спаситель являлся св. Григорію; затѣмъ насъ повели въ парадныя комнаты патріарха, гдѣ мы видѣли двѣ замѣчательныя залы: одна изъ нихъ зеркальная, а другая съ портретами всѣхъ армянскихъ царей. Еще осмотрѣли мы очень богатую ризницу и, наконецъ, бібліотеку съ множествомъ древнихъ рукописей.

Нельзя сказать, чтобъ Эчмиадзинъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе, да этого и быть не можетъ, потому что онъ расположенъ въ сухой, бесплодной, тоску наводящей мѣстности; любопытно видѣть его, какъ всякую древность, какъ памятникъ многочисленныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ событій.

Осенью 1860 года я такъ сильно заболѣла, что докторъ нашелъ необходимымъ отправить меня за границу, что и было исполнено,

а слѣдующею весною Николай Петровичъ, будучи вызванъ по дѣламъ въ Тифлисъ, подалъ намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому, просьбу объ отпускѣ его на четыре мѣсяца за границу. Ему хотѣлось отдохнуть и полѣчиться, а главное—взглянуть на другія страны, посмотрѣть, какъ тамъ живутъ, потолкаться и потолковать съ людьми различныхъ націй; Азія прискучила ему; особенно тянуло его во Францію, откуда онъ намѣревался заѣхать ко мнѣ, но князь Барятинскій не пустилъ его.

— Вы мнѣ нужны, нужны въ эту минуту, — сказалъ онъ и прибавилъ:— у меня только два Колюбакина и оба мнѣ необходимы; откуда же мнѣ достать третьяго?

Затѣмъ тотчасъ же назначилъ его кутаисскимъ генераль-губернаторомъ. Такимъ образомъ, Колюбакину пришлось въ третій разъ быть начальникомъ въ хорошо знакомомъ ему краѣ, и снова началась для него спокойная и пріятная жизнь и дѣятельность.

Кромѣ трудовъ и попеченій о благосостояніи населенія ввѣренныхъ ему четырехъ прежнихъ владѣтельныхъ княжествъ—Имеретин, Мингрелии, Гуріи и Абхазіи, онъ находилъ еще время посѣщать кутаисскую гимназію, слѣдить за преподаваніемъ учителей и за успѣхами учениковъ, старавшихся отличиться передъ генераль-губернаторомъ, умѣвшимъ оцѣнивать ихъ способности и старанія. Я сказала, что такого рода жизнь приходилась Колюбакину по сердцу, и, можетъ быть, она продлилась бы еще много лѣтъ, если бы не представилось обстоятельство, совершенно измѣнившее положеніе его.

Прежде всего необходимо сказать, что вдова князя Константина Дадишкилиани неоднократно обращалась къ Николаю Петровичу, черезъ посредство родственниковъ своихъ, съ просьбой о дозволеніи ей перенести тѣло мужа своего съ позорнаго мѣста, гдѣ онъ былъ казненъ, въ храмъ Божій, и каждый разъ получала отказъ. Наконецъ, уже по прошествіи трехъ лѣтъ по смерти мужа, времени, кажется, достаточнаго всякому христіанину для прощенія даже злѣйшаго врага, несчастная княгиня Дадишкилиани явилась къ Колюбакину со всѣми дѣтьми своими и, преклонивъ колѣна, повторила просьбу свою. Колюбакинъ не устоялъ противъ ея слезъ, отчаянія и мольбы цѣлаго семейства. Да и зачѣмъ было отказывать! Онъ былъ увѣренъ, что добрая и чистая душа покойнаго князя Гагарина, не способная къ мщенію на землѣ, не могла, переходя въ лучшій міръ, унести съ собою ненависть къ ближнему, и согласился на просьбу несчастной вдовы, съ условіемъ, однакожь, что перенесеніе тѣла мужа ея въ небольшую церковь, находящуюся чуть не за городомъ, совершится въ вечернія сумерки и безъ всѣхъ обычныхъ въ этомъ краѣ погребальныхъ церемоній. Сверхъ того, разрѣшая похороны князя Дадишкилиани, онъ дѣйствовалъ не произвольно: въ его рукахъ была бумага, полученная имъ изъ Петер-

бурга, и на ея содержаніи было основано дозволеніе его перенести въ церковь тѣло князя Константина. Вотъ содержаніе этой бумаги, оправдывающей поступокъ моего мужа:

«Отношеніе начальника главнаго штаба къ кутаисскому генералъ-губернатору 1-го февраля 1861 года.

«Пунктъ I. Въ отзывѣ главнокомандующаго къ г. военному министру отъ 6-го сентября 1860 года сказано, между прочимъ: 3.000 рублей должны быть употреблены на похороны и поминки какъ самой княгини Дадишвилиани, такъ и покойнаго мужа ея, по мѣстнымъ обычаямъ. Пунктъ II. Исполнить предположеніе главнокомандующаго о распредѣленіи между вдовой и дѣтьми все-милостивѣйше пожалованнаго капитала» и проч., и проч.

Но какъ ни были скромны похороны князя Дадишвилиани, они все же не могли остаться тайной для родственниковъ князя Гарина.

Не стану объяснять здѣсь, какимъ образомъ сѣтованія нѣкоторыхъ изъ нихъ на поступокъ Николая Петровича были доведены до свѣдѣнія государя императора, но спрошу, не есть ли это тоже мщеніе, мщеніе бессильное надъ трупомъ убійцы?... Пострадалъ отъ него только человѣкъ правый, такъ какъ послѣдствіемъ этого былъ переводъ Колюбакина изъ Кутаиса въ Петербургъ съ назначеніемъ его сенаторомъ.

Не думая, не гадая, чтобы дѣло, въ сущности христіанское, да еще дозволенное правительствомъ, могло принять подобный оборотъ, Николай Петровичъ продолжалъ спокойно заниматься дѣлами, какъ вдругъ, въ апрѣлѣ 1863 года, получаетъ бумагу о переводѣ своемъ. Неожиданное извѣстіе это показалось ему до того невѣроятнымъ, что онъ прибѣжалъ съ полученной бумагой ко мнѣ, чтобы удостовѣриться, такъ ли онъ понялъ ее.

Весьма тяжелъ и чувствителенъ былъ для него этотъ ударъ. Не пожелавъ, однако, оправдываться передъ княземъ Барятинскимъ, онъ написалъ только начальнику управленія намѣстника кавказскаго:

«Получилъ я письмо вашего превосходительства. Человѣку монхъ лѣтъ и моего общественнаго положенія болѣе чѣмъ прискорбно быть въ необходимости оправдываться въ поступкѣ, который въ глазахъ исправляющаго должность царскаго намѣстника беззаконностью своею превзошелъ размѣры вѣроятія. Но дѣло сдѣлано: съ разрѣшенія моего тѣло князя Дадишвилиани безъ всякой торжественности, безъ предварительнаго заявленія публикѣ, вечеромъ, загороднымъ путемъ, перенесено вдовою его и дѣтьми къ оградѣ небольшой уединенной церкви. За признаніемъ факта, не могу, однако, не подвергнуть оцѣнкѣ его значеніе общественное, религіозное и легальное, для опредѣленія рода и степени моего въ этомъ дѣлѣ участія. Оставленіе тѣла князя Константина Дадишвилиани на мѣстѣ казни,

въ поворной ямѣ, оскорбляя обычаи, христіанское чувство и аристократическія предубѣжденія страны, не только раздражало его родныхъ, весьма вліятельныхъ въ различныхъ земляхъ здѣшняго Закавказья, не только печалило бывшихъ его подвластныхъ, но еще возбуждало нѣкое тайное и безотчетное неудовольствіе во всемъ здѣсь близкомъ къ нему сословномъ слоѣ. Всѣ эти сочувствія и соболѣзнованія, возносясь надъ могилой казненнаго, какъ бы вѣячали его ореоломъ страдальца и жертвы народныхъ законовъ. Погребеніе сняло съ него обаяніе земного преслѣдованія за гробомъ... Итакъ, обрядъ, совершенный надъ княземъ Дадишкिलіани, принесъ, мнѣ кажется, пользу гражданскую. По возрѣнію религіозному, смѣю думать, что, дозволивъ погребеніе по обряду церковному преступника, съ раскаяніемъ лобзавшаго передъ смертью святое Распятіе, я не учинилъ поступка, противнаго канонамъ православной церкви. Когда я проникаюсь глубже чувствомъ религіознымъ, мнѣ даже кажется, что тѣмъ самымъ я успокоилъ духъ несчастной жертвы убійцы, которая, по извѣстной намъ и мнѣ въ особенности чистотѣ природы своей, не могла увести въ могилу ни злобы, ни мщенія... Нѣтъ, какъ христіанинъ, я не виноватъ, я правъ, я правъ передъ церковью, и сердце говоритъ мнѣ—я правъ передъ жертвою преступленія... Да не укорить меня неутѣшная, богобоязливая вдова...

«Наконецъ, перехожу къ сторонѣ легальной. И тутъ обсужденіе поступка моего можетъ зависѣть не отъ разнородности взглядовъ и нравственныхъ или религіозныхъ убѣжденій, а развѣ отъ различія въ пониманіи писаннаго слова: «По представленію намѣстника кавказскаго, высочайше утвержденному 25-го декабря 1860 года, положеніемъ кавказскаго комитета, изъ денегъ, отпущенныхъ княгинѣ Дадишкиліани, отчислено 3.000 рублей на похороны и поминки, по народнымъ обычаямъ, казненнаго мужа ея». Слѣдовательно я виноватъ развѣ только въ небуквальномъ исполненіи сего высочайшаго повелѣнія, не допустивъ похоронъ по народнымъ обычаямъ, то-есть съ полною торжественностью, тризной, сорокоуствомъ, пиршествомъ и ристалищемъ. Если я не началъ прямо съ послѣдняго оправданія и не ограничился имъ, то потому только, что, уважая личное мнѣніе князя Г. Д. Орбелиани и ваше, милостивый государь, я хотѣлъ не только сложить съ себя отвѣтственность служебную, но еще быть правымъ, какъ гражданинъ и христіанинъ».

Я знаю, что извѣстіе о погребеніи князя Дадишкиліани было доложено его величеству шефомъ жандармовъ. Узнавъ о происшедшемъ, государь немедленно потребовалъ къ себѣ намѣстника кавказскаго, находившагося тогда въ Петербургѣ, и изволилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: «Знаешь ли ты, что сдѣлалъ твой Колюбакинъ немирный?». Князь Барятинскій удивился; онъ ничего еще не слышалъ о вышеупомянутомъ событіи. Но если бы въ эту минуту онъ вспомнилъ, что Николай Петровичъ, не смотря на

горячность свою, былъ всегда точнымъ исполнителемъ законовъ и предписаній высшаго начальства, а потому и въ настоящемъ случаѣ не разрѣшилъ бы погребенія князя Дадишкилиани безъ уважительной, легальной причины на то,—если бы, повторяю, онъ вспомнилъ обо всемъ этомъ и о бумагахъ, разрѣшавшей похороны, и доложилъ его императорскому величеству, какъ было дѣло, я увѣрена, что милостивый монархъ, въ справедливости своей, не призналъ бы мужа моего виновнымъ въ неисполненіи своего долга.

Да... если бы, если бы... но кто не знаетъ, кто не испыталъ на себѣ, какое важное значеніе въ жизни человѣческой имѣетъ маленькое слово—«если бы».

Разскажу кстати слѣдующій случай: узнавъ, что одно важное дѣло было доложено князю Воронцову невѣрно, вслѣдствіе чего должно было послѣдовать, весьма естественно, несправедливое рѣшеніе намѣстника, Колюбакинъ немедленно отправился къ нему, съ просьбой выслушать его мнѣніе относительно этого дѣла. Князь, всегда доступный, принялъ его, и когда Николай Петровичъ кончилъ говорить, онъ обнялъ его и сказалъ: «*Mon cher Kolubakine, vous êtes un vrai chevalier*»¹⁾. Такія слова, сказанныя такимъ государственнымъ человѣкомъ, каковъ былъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, чрезвычайно порадовали мужа моего. Между тѣмъ, если бы Колюбакинъ не пошелъ къ князю-намѣстнику, два человѣка, не заслуживавшіе смертной казни, были бы повѣшены.

Я намѣревалась говорить только о Николаѣ Петровичѣ, но такъ какъ дѣйствія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ были въ связи съ моими, я не могла или, можетъ быть, не сумѣла изъять личность мою изъ разсказа о его кавказской жизни, хотя старалась упоминать о себѣ, какъ можно меньше.

Теперь оканчивая воспоминанія мои, не могу не помѣстить здѣсь описанія обѣда, даннаго Колюбакину дворянствомъ имеретинскимъ. Описаніе обѣда по своему мѣстному характеру, можетъ быть, покажется интереснымъ, а слова, сказанныя на немъ, дадутъ понятіе о томъ отрадномъ и пріятномъ чувствѣ, которое Николай Петровичъ вынесъ изъ страны, гдѣ его такъ хорошо знали и любили.

«Кутанская губернія знаетъ Николая Петровича болѣе 12 лѣтъ; онъ служилъ въ ней и вице-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ. Въ рѣдкой деревнѣ не бывалъ онъ; всякому онъ былъ доступенъ, всякому были открыты двери его дома. Во всей служебной дѣятельности его видны были честь и доброта; въ каждомъ распоряженіи и рѣшеніи—нелицепріятная и неуклонная правда; въ каждомъ мѣропріятіи—сердечное стремленіе къ благу общественному; къ нуждамъ частнымъ—во всѣхъ случаяхъ теплое и

¹⁾ Любезный Колюбакинъ, вы настоящий рыцарь.

плодотворное вниманіе; въ собственной жизни—строгая нравственная чистота; всё эти качества поставили его высоко въ народномъ мнѣніи и приобрѣли ему общее глубокое, искреннее уваженіе.

«Питая такія чувства и желая выразить ихъ какимъ нибудь торжественнымъ актомъ, 300 князей и дворянъ съѣхались въ Кутансъ и единогласно согласились дать въ честь Николая Петровича обѣдъ. Всѣ радостно приняли участіе въ этомъ праздникѣ любви и уваженія. Для обѣда приготовлены были залы гимназій. Въ обѣденной залѣ фестоны и гирлянды изъ лавра, плюща и рододендрона, искусно перевитые, превратили потолокъ въ изящный наметъ, а стѣны — въ живописныя декораціи; всѣ полы были устланы коврами, а въ углахъ и въ разныхъ мѣстахъ комнатъ стояли оранжерейныя растенія. За главнымъ кресломъ сіяло вензелевое изображеніе виновника торжества; на стѣнѣ, насупротивъ, красовалось такое же изображеніе изъ зелени и цвѣтовъ.

«Въ главномъ залѣ столы были поставлены кругомъ стѣнъ; противъ нихъ, между арками, столъ для распорядителей обѣда; за арками—сервировка по туземному, въ боковыхъ залахъ столы въ два ряда. Три хора музыки: военная, бальная и туземная, поставлены были тоже въ залахъ; за арками гурийскіе пѣсенники. Передъ домомъ цехи съ значками и огромная толпа народа.

«Къ обѣду приглашены были: епископъ имеретинскій Гавріилъ и высшее духовенство; бывший проѣздомъ въ Кутансъ атаманъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ А. П. Хрещатицкій; всѣ мѣстные военные и гражданскіе чины и именитѣйшіе изъ гражданъ.

«Въ четыре часа прибылъ Николай Петровичъ, въ сопровожденіи четырехъ почетнѣйшихъ князей. Громкое «ура» и звуки народной музыки возвѣстили прибытіе вожделѣннаго гостя. У подъѣзда его превосходительство встрѣченъ былъ почетнѣйшими князьями и дворянами, а въ первыхъ залахъ приняло его все остальное дворянство.

«Дворянству мало было дать обѣдъ, ему хотѣлось еще сохранить о немъ видимое воспоминаніе: ему хотѣлось имѣть портретъ Николая Петровича въ средѣ всей группы своей. Для этого на площади, передъ гимназическимъ домомъ, приготовленъ былъ аппаратъ, и послѣ первыхъ привѣтствій, по прибытіи его превосходительства, дворянство попросило его появиться на балконѣ и само разсыпалось по всей огромной длинѣ его и даже по окнамъ. Снимокъ удался превосходный и чрезвычайно живописный.

«Въ половинѣ пятаго сѣли за обѣдъ. За креслами его превосходительства стояли, по туземному обычаю, для принятія и передачи аллаверди отъ него и для исполненія прочихъ порученій два почетныхъ лица отъ князей и дворянъ. Блюда были туземныя, весьма роскошныя, цили изъ турьихъ роговъ, изъ старинныхъ

серебряныхъ чашъ; тутъ были азарпеты, бадін, таси и кулы разныхъ величинъ и разныхъ формъ. Оркестры музыки играли поочередно, а мѣстные пѣсенники пѣли постоянно. Обѣдъ шель весело.

«Первый тостъ провозглашенъ былъ генераль-губернаторомъ за драгоцѣнное здоровье того, кто первый у всякаго въ сердцѣ, при каждомъ торжественномъ событіи,—за здоровье его императорскаго величества государя императора. Продолжительное, задушевное троекратное «ура» выразило всю любовь неподдѣльную въ здѣшнемъ чистосердечномъ населеніи къ своему монарху. Народный гимнъ выслушанъ былъ въ глубокомъ благоговѣйномъ молчаніи. Второй тостъ провозглашенъ имъ же за здоровье его императорскаго высочества государя наслѣдника и принятъ былъ такимъ же неумолкаемымъ «ура».

«Послѣ почтительной за симъ паузы одинъ изъ распорядителей обѣда 75-тилѣтній старецъ, князь Абашидзе, подошелъ къ генераль-губернатору и дрожащимъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова:

«Ваше превосходительство! Дворянство Кутаисской губерніи, присутствующее на этомъ обѣдѣ въ честь вашу, поручило мнѣ выразить вамъ тѣ чувства глубокой признательности, которыми проникнуто оно вашею многотрудною и полезною дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Въ продолженіе многолѣтняго управленія вашего вы заслужили всеобщее уваженіе и любовь вашею справедливостью, безукоризненною честностью, прямымъ откровеннымъ характеромъ. Мы привыкли видѣть въ васъ, Николай Петровичъ, не только просвѣщеннаго правителя и неутомимаго дѣятеля, но и друга нашего, и имя ваше популярно у насъ. Мы любимъ васъ, мы глубоко уважаемъ васъ... мы васъ любимъ, Николай Петровичъ... за ваше здоровье!

«Съ глубокимъ почтительнымъ вниманьемъ всѣ слушали слова старца, переводимыя княземъ Гуріелли тутъ же слово за словомъ. При послѣднемъ словѣ князь Абашидзе выпилъ изъ большого турьяго рога, и громкое, долгое «ура» огласило залы. Какъ на самомъ веселомъ праздникѣ, всѣ стали чокаться другъ съ другомъ, возобновляли «ура», снова чокались, и опять «ура» долгое, не унимающееся.

«Николай Петровичъ, сильно тронутый такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ чувствъ, отвѣчалъ слѣдующими словами:

«Господа! я такъ тронуть, такъ взволнованъ, что, хотя имѣю привычку слова, едва ли, однако, сумѣю передать вамъ все, чѣмъ полно въ настоящее время сердце мое. Я прибылъ на Кавказъ двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, еще очень молодымъ человѣкомъ. Теперь, касаясь старости, чувствовалъ необходимость отдать себѣ отчетъ въ той дѣятельности, которой посвятилъ силы, способности, лучшіе годы мои. Вы, господа, значительно облегчили мнѣ этотъ отчетъ выраженіемъ признательности своей за мои межъ вами труды въ различныхъ должностяхъ: вице-губернатора, воен-

наго губернатора и наконецъ генераль-губернатора. Могутъ сказать, что эта признательность, это одобреніе—не всёхъ... что здѣсь не всё... Я, господа, вижу здѣсь старцевъ, отцовъ семействъ, людей, коихъ дѣти на службѣ, людей, трудящихся для родины, въ разныхъ родахъ службы государственной, вижу молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ головѣ и въ сердцѣ которыхъ будущность страны... Съ меня довольно, довольно для моего сердца и самолюбія. Если Богъ приведетъ меня приютить старость мою въ Россіи, то буду тамъ наслаждаться мыслью, что изъ милліона разноплеменныхъ народовъ, которыми я одновременно управлялъ на Кавказѣ, если не всё, то, конечно, многіе вспомнятъ меня добромъ и скажутъ обо мнѣ доброе слово дѣтямъ своимъ... Это единственное достояніе, которое унесу съ собою... но не отдамъ его ни за какое злато. Благодарю васъ, господа. Теперь обращусь къ значенію этого торжества относительно васъ самихъ. Скажу вамъ прямо: оно дѣлаетъ вамъ честь, ибо если я приобрѣлъ вашу признательность, ваше одобреніе, то не лестью, не потворствомъ худымъ страстямъ, не соблазномъ пировъ и веселій свѣтскихъ, а жизнью строгою, справедливостью подчасъ суровою, трудомъ добросовѣстнымъ; тѣ же люди, которые сознаютъ эти свойства въ человѣкѣ и отдають ему уваженіе, тѣ сами одарены натурою доброю, благородною. Въ настоящую минуту мы наслаждаемся величайшимъ, какое только доступно человѣку, счастьемъ, счастьемъ нравственнымъ, сознаніемъ собственнаго достоинства. Остается намъ, господа, обратиться къ присутствующему здѣсь отцу духовному, всѣми уважаемому архипастырю, съ просьбой призвать благословеніе Божіе на союзъ сердецъ нашихъ, для пользы края, для вѣрнаго служенія возлюбленному монарху».

«Князь Церетели передавалъ эти слова на грузинскомъ языкѣ. Когда онъ кончилъ, къ Николаю Петровичу стали подходить всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ, одинъ за другимъ; каждый особо привѣтствовалъ его, выражая ему свое уваженіе и привязанность и пилъ за его здоровье.

«Послѣ обѣда сожженъ былъ фейерверкъ, послѣдняя декорация коего былъ щитъ съ брилліантовымъ вензелемъ виновника торжества, и затѣмъ его превосходительство уѣхалъ домой при прощальныхъ благодарственныхъ «ура». Совершенно неожиданно городъ былъ иллюминированъ. Жители его въ соревнованіе дворянству вздумали изъяснить такимъ образомъ генераль-губернатору свои чувства любви и признательности.

«Многіе дворяне сожалѣли, что не могли пріѣхать въ Кутаисъ къ этому обѣду, за то они письменно выразили сожалѣніе свое».

Въ маѣ 1863 года, мы прибыли въ Петербургъ, но Коллюбакинъ не пожелалъ служить тамъ и просилъ о переводѣ его сенаторомъ въ Москву, что и было исполнено.

— Я не гожусь для столичнаго города,—говорилъ онъ, полупуштя, полусерьезно:—живя въ Петербургѣ, мнѣ, конечно, придется иногда являться ко двору, и я, право, боюсь, чтобы мои драгунскія манеры, мой заносчивый характеръ и привычка говорить все, что есть на душѣ, не надѣлали мнѣ бѣды.

Шесть лѣтъ прожили мы въ Москвѣ; все это время Колюбакинъ грустилъ о Кавказѣ, ежедневно вспоминалъ о немъ; ему не доставало его чудной природы, его горъ, прохлады лѣсовъ, быстрыхъ шумящихъ рѣкъ, яснаго неба юга и той дѣятельности живой и пріятной, какую онъ имѣлъ въ томъ краѣ. Не говорю уже о многочисленныхъ оставленныхъ имъ друзьяхъ и о братѣ.

Въ стѣнахъ сената ему казалось душно, и это раздражало его: онъ спорилъ, кричалъ, но горячность его разбивалась о хладнокровное благоразуміе другихъ сенаторовъ, называвшихъ его шути мальчикомъ, такъ какъ онъ былъ моложе всѣхъ въ своемъ департаментѣ. Поэтому онъ возвращался изъ сената почти всегда въ дурномъ расположеніи духа.

По вечерамъ онъ постоянно выѣзжалъ и чаще всего бывалъ у сенатора Тимирязева, бывшаго командиромъ того гусарскаго полка, въ которомъ Николай Петровичъ служилъ въ Варшавѣ, будучи совершенно молодымъ человѣкомъ,—да еще у князя В. Одоевскаго, гдѣ находилъ всегда пріятное общество; были у него и другіе хорошіе знакомые, но не очень много. Расскажу при этомъ одинъ забавный случай: до свѣдѣнія государя какимъ-то образомъ дошелъ слухъ, что немирный Колюбакинъ, въ пылу обычной его горячности, будто бы позволилъ себѣ ударить Каткова. Изъ Петербурга была потребована справка объ этомъ происшествіи, и вотъ отвѣтъ, посланный на нее: «Сенаторъ Колюбакинъ не могъ имѣть никакого непріятнаго столкновенія съ господиномъ Катковымъ, ибо онъ не только не знакомъ съ нимъ, но ни разу еще не встрѣчалъ его». Когда ему рассказали это, онъ много смѣялся. «Теперь,—сказалъ онъ,—я уже непременно постараюсь познакомиться съ человѣкомъ, котораго имѣлъ несчастіе оскорбить дѣйствіемъ, ни разу не видѣвъ его».

Такъ прошли три года. Однажды, во время засѣданія въ сенатѣ, ему подали къ подписи бумагу; онъ хотѣлъ взять перо, но оно выпало изъ руки его.

— А! вотъ оно что!—воскликнулъ онъ: — у меня ударъ, господа.

Онъ не ошибся, но ударъ былъ слабый, не оставившій никакихъ послѣдствій. Черезъ годъ онъ повторился сильнѣе, такъ что Николай Петровичъ сталъ дурно владѣть ногою и писалъ уже лѣвой рукой, не переставая однако-жъ ѣздить каждый день въ сенатъ.

Въ 1867 году, выѣхавъ со двора зимой, онъ забылъ снять каблуки въ передней и, проходя въ нихъ въ другую комнату, поскользнулся въ дверяхъ, упалъ бокомъ на эфесъ сабли и переломилъ ногу въ бедрѣ. Несчастный случай этотъ принудилъ его пролежать въ постели тринадцать недѣль въ одномъ положеніи, весьма вредномъ по роду его болѣзни. Вслѣдствіе этого, у него сдѣлался третій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться; къ тому же и болѣзнь сердца, обнаруживавшаяся по приѣздѣ нашемъ въ Москву, быстро развивалась и принимала все болѣе опасный характеръ. Докторъ требовалъ, чтобъ онъ пересталъ ѣздить въ сенатъ и заниматься дѣлами; но онъ не слушалъ его. Между тѣмъ, отъ прилива крови къ головѣ разрывались иногда кровеносные сосуды и заливали мозгъ кровью, отъ этого онъ терялъ память, мысли его путались, онъ называлъ предметы не настоящими ихъ именами, и рѣчь его дѣлалась непонятной. Всѣ знавшіе Николая Петровича, этого пылкаго, энергическаго человѣка, необыкновенно быстро и легко схватывавшаго и обсуждавшаго всякое серьезное и трудное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладавшаго живымъ, свѣтскимъ остроуміемъ, поймутъ, какъ тяжело было видѣть его въ такомъ ужасномъ состояніи. Всего ужаснѣе было то, что онъ чувствовалъ это. Серьезныя книги, которыя онъ читалъ прежде съ такимъ увлеченіемъ, замѣнились самыми пустыми романами, да и тѣхъ онъ иногда не понималъ, и потому большую часть дня, по возвращеніи изъ сената, онъ проводилъ въ молчаніи, сидя въ креслѣ, глядя на цвѣты и думая о близкой смерти.

Видя такой ужасный упадокъ духа, докторъ, въ надеждѣ развлечь его и ободрить, совѣтовалъ ему съѣздить за границу. Хотя неохотно, но онъ согласился на это; я не могла сопутствовать ему, такъ какъ безъ помощи мужчины онъ не могъ обойтись, а на тронхъ у насъ не доставало средствъ, поэтому онъ рѣшился ѣхать съ однимъ камердинеромъ и отправился въ Парижъ.

Путешествіе, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько ободрило его, но вмѣсто того, чтобы полѣчиться, онъ всѣ дни проводилъ въ разговорахъ съ Н. В. Ханьковымъ, проживавшимъ въ Парижѣ.

Въ первыхъ дняхъ августа онъ возвратился и провелъ остатокъ лѣта на дачѣ, гдѣ я жила.

По переѣздѣ нашемъ въ Москву, Николай Петровичъ, послѣ долгаго отдыха, снова началъ посѣщать сенатъ; но по гостямъ уже не ѣздилъ, а принималъ у себя. Здоровье его видимо ухудшалось. 14-го октября 1868-го года, къ удивленію всѣхъ окружающихъ его, онъ всталъ въ необыкновенно мирномъ настроеніи и не только не выходилъ изъ терпѣнія, пока человѣкъ и я одѣвали его, но даже шутилъ и смѣялся, ходя по комнатѣ съ помощью палки. Возвратясь изъ сената въ такомъ же спокойномъ состояніи, онъ позавтракалъ и легъ отдохнуть, сказавъ мнѣ, чтобы я принимала

всѣхъ, кто прїѣдетъ. Часа черезъ полтора онъ всталъ, припелъ въ гостиную и очень обрадовался, заставъ тамъ одного изъ знакомыхъ своихъ, а спустя четверть часа—новый ударъ.

Въ 12 часовъ ночи его не стало.

Онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, близъ церкви.

Александра Колюбакина.

1337 ✓

МЕРТВЫЕ БОГИ.

Тосканская легенда.

(A M-r Mounet-Sully).

НА НЕБѢ стояла хвостатая звѣзда. Кровавый блескъ ея огромнаго ядра спорилъ со свѣтомъ луны, и набожные люди, съ трепетомъ встрѣчая ея еженочное появленіе, ждали отъ нея большихъ бѣдъ христіанскому міру. Когда комета въ урочный часъ медленно поднималась надъ горизонтомъ, влача за собой длиннымъ хвостомъ круглый столбъ краснаго тумана, въ ея мощномъ движеніи было нѣчто сверхъестественно грозное. Казалось, будто въ синій просторъ Божьяго міра ползеть изъ первобытнаго мрака свирѣпый царь его, огненный драконъ Апокалипсиса, готовый пожрать мѣсяцъ и звѣзды и раздавить землю обломками небснаго свода. Комета смущала воображеніе не только людей, но и животныхъ: сторожевые псы выли по цѣлымъ ночамъ, съ тоскливымъ испугомъ вглядываясь въ повисшій надъ землею пламенный мечъ и словно пытая: правду ли говорятъ ихъ хозяева о чудномъ явленіи? точно ли оно—предвѣстникъ близкой кончины міра? Свѣтопреставленія ждала вся Европа; булла папы и эдикты королей приглашали вѣрующихъ къ молитвѣ, посту и покаянію, ибо наступающій годъ, послѣдній въ первомъ тысячелѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, долженъ былъ, по предположенію астрологовъ, быть и послѣднимъ годомъ земли и тверди: годомъ, когда явится предсказанный апостоломъ ангель и, ставъ одною стопою на сушѣ, другою на морѣ, поклянется Живущимъ во вѣки, что времени уже не будетъ.

